

Красная
надпись на
белой стене

Дан Берг

18+

Дан Берг
**Красная надпись
на белой стене**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70445803

SelfPub; 2024

Аннотация

Вавилонский царь Валтасар устроил пир. В разгар бражничанья на стене появилась загадочная надпись. Царь испугался и вскоре исчез из дворца. На следующий день его нашли мертвым у городских ворот. Дело расследовали пророк Даниэль и его племянник Акива. Сотрудничество этих двух детективов запомнилось читателю по повести “Йони и Шош”. В итоге сложного, но успешного расследования выяснилась личность организатора убийства, невозможность наказания исполнителей и еще кое-что важное.

Содержание

I	4
II	16
III	28
IV	39
V	53
VI	65
VII	78
VIII	89
IX	101
X	114
XI	126
XII	137

Дан Берг

Красная надпись на белой стене

I

Благородность победителя тогда станет броской и приметной, когда он сперва великодушно пощадит, а потом еще и одарит повергнутого противника. Сильный насладится мыслью о собственном бескорыстии, а побежденный громко воспевает ему славу и тайно возненавидит за пожалованные благодеяния.

Две с половиной тысячи лет тому назад всепобедительный царь Вавилонии, гроза и слава древнего Востока, великий Навуходоносор, завоевал Иерусалим и разрушил Храм. Часть иудейского народа он привел в свою страну и широким жестом монарха позволил вновь прибывшим селиться, где кто захочет, и заниматься, кто чем пожелает. Веру иудейскую монарх не теснил.

Взамен за доброту переселенцы платили Навуходоносору

и его высоким сановникам пышными клятвами в любви. Говорят, дескать, нарушение любовных клятв ненаказуемо, но относилось ли это утверждение к вавилонским пленникам? Любовь-то их была далеко не романтической природы!

Подневольные пришельцы недурно обосновались на новом месте. Умело пользуясь расположением властей, ловкие и умные из новичков быстро разбогатели. Тоже и книжники внесли свой вклад в общее дело преуспевания: они объяснили себе и своему народу, почему иудеям хорошо живется в Вавилонии. Мудрецы научили единоверцев правильному поведению в изгнании, а монарха и правителей меньшего ранга уверили в безусловной лояльности соплеменников.

Трон прославленного Навуходносора унаследовал его сын Валтасар. Негативно настроенные тогдашние мудрецы, чувствительные к колебаниям материального благополучия и шепетильные в вопросах веры, отметили, что взошедший на царство наследник недостаточно, по их мнению, чуток к настроениям и надобностям пришельцев и, хуже того, манкирует иудейскими святынями. И поныне талмудисты ставят в упрек Валтасару сии бесспорные прегрешения.

Одним из первых экспертов по деяниям нового царя стал

мудрый Даниэль. Сей иудейский пророк жил в одно время с Валтасаром, водил с ним знакомство, бывал принят во дворце, достойно и без подобострастия принимал знаки уважения от членов монаршей семьи и молчаливо терпел недружелюбие и зависть придворных советников.

Даниэль начинал свою карьеру в качестве дознавателя в провинциальном вавилонском городе Ниппуре, где прочно и многочисленно обосновались его соплеменники. Видит Бог, недостатка в правонарушениях не было, и поэтому молодой сыщик никогда не сидел без дела, но трудился увлеченно и честно.

Законнепослушные из иудеев, а равно и неотстающие от них коренные вавилоняне, своими проделками доставляли обильную пищу проницательному уму детектива. Последний неизменно рос в профессиональном мастерстве, совершенствуя интеллект и шлифуя талант аналитика.

Молодой Даниэль не любил скромничать понапрасну. С полным основанием он весьма высоко ценил данный ему Богом дар. Желая во что бы то ни стало раскрыть до конца свой незаурядный потенциал, Даниэль решительно отверг идею навсегда остаться сыщиком, пусть даже и блестящим и всеми признанным. Его манила слава духовного лидера масс, властителя умов и наставника поколения. Иными словами,

человек сей мечтал стать пророком.

Господь распорядился в пользу даровитого раба Своего: мечте Даниэля суждено было сбыться. Содействие Божьему замыслу оказал Акива – юный племянник Даниэля. Способный и честолюбивый юноша с радостью принял предложение дядюшки изучать сыскное дело. Молодой задор, неиссякаемое трудолюбие и природная смекалка быстро сделали из восприимчивого к учению парня сперва ценного помощника дознавателя, а, вскоре, и самостоятельного детектива.

Работая сообща с молодым и мозговитым родственником, Даниэль очень скоро почувствовал: есть на кого оставить командование битвой за поддержание законности в Ниппуре. Воспитанный им преемник – прекрасная кандидатура на выдвижение. У Даниэля не было сомнений в том, что Акива полноценно заменит его на важном посту.

Сообразовавшись с волей столичных и местных властей и получив высокое согласие, Даниэль оставил должность дознавателя Ниппура, передал ее Акиве и целиком предался делу пророчества.

Одной из особенностей новой миссии Даниэля было то обстоятельство, что, согласно законам Вавилона, труд пророка, в отличие от труда детектива, не оплачивался из каз-

ны. Даниэль принял сию специфику с философическим стоицизмом. Как видно, древние вавилонские власти держались того взгляда на вещи, что для достижения подлинной высоты духовного лидерства, иудейский пророк непременно должен быть голоден. Зато нынешние граждане Земли Обетованной могут быть благодарны Господу за решительные изменения в пользу иудейских законоучителей.

Авишаг, супруга Даниэля, смотрела на проблему семейного бюджета с меньшим спокойствием, нежели ее муж. Ей очень нравилось быть женою дознавателя, ибо сия хлебная должность приносила достаток в семью. В силу особенностей женского ума она воспринимала мужнино обращение к пророчеству как катастрофическое падение социального статуса, почти как позор. Но разве в стародавние времена, в условиях тотального засилия маскулинных воззрений, кто-нибудь принимал всерьез мнения слабого пола?

Коснувшись семьи Даниэля, заметим, что начало его брака с Авишаг ознаменовалось появлением на свет одного за другим троих прекрасных сыновей. К огорчению супругов, последующие годы их совместной жизни не были плодными, ибо Господь не отверзал более утробу Авишаг.

Сыновья, все, как один, выросли удачными и следовали тропой отца, неутомимо постигая учение Всевышнего. И

пусть никто из них не принял от родителя эстафету пророчества, но при всем при том они зарекомендовали себя безупречными праведниками и знатоками слова Божьего.

Итак, поток казенного денежного довольствия остановился. Щедрый гонорары от частных лиц за успешные расследования тоже исчезли. И все-таки Даниэль не превратился в совершенного бедняка. Во-первых, в наследство от отца он получил неплохой дом. Во-вторых, покуда исполнял доходную должность детектива, он изрядно расширил наследственные владения. Безбедный, хотя и скромный старт пророческой карьеры был ему обеспечен.

Даниэль отнюдь не был новичком в наставничестве и пророчестве. Он имел опыт нравоучительства, который приобрел в бытность свою дознавателем. Нет в этом факте ничего странного, ибо свободное от расследований время он не только самозабвенно учился сам, но и наставлял школяров и пророчествовал. Завоевания, добытые собственным трудом, прочнее эфемерного успеха баловня протекции.

Теперь Даниэлю требовалось принять важное решение: в каком городе проповедовать юношеству законы Господа? Безусловно, Ниппур духовно близок ему, а дом учения мил и приятен. Однако профессиональному пророку лучше вещать в главном городе страны или, по крайней мере,

по соседству. Вблизи от столичного Вавилона действовала небольшая ешива. Тамошний раввин стал стар и слаб, и пришло время заменить его. Вот туда и явился полный сил и энергии Даниэль.

Своею мудростью и познаниями наш герой быстро завоевал доверие и уважение местной общины. Богатые покровители сделали серьезные пожертвования, и ешива разрослась. Выстроено было двухэтажное здание, потянулись новые перспективные ученики – сыновья солидных купцов и владельцев ремесленнических мастерских. Впрочем, Даниэль старался не льстить своим благодетелям и не принимать милостей, без которых мог обойтись.

Свой ниппурский дом с садом Даниэль продал Акиве. Поскольку племянник был не в состоянии заплатить всю цену сразу, то ему пришлось приобрести недвижимость в рассрочку. Великодушный дядюшка поступил по-родственному благородно, назначив Акиве низкий ипотечный процент.

Заметим, что успехи Акивы на сыскном поприще вкупе с его бережливостью позволили ему досрочно погасить долг. Даниэль не стал взимать с племянника штраф за опережение выплаты. К сожалению, нам, далеким потомкам, точно не известно, как отнеслась озабоченная домашним бюджетом Авишаг к странному поступку мужа – ведь семья-то не до-

считалась части процентов! Надо полагать, Даниэль успокаивал Авишаг, мол, будущие прибыли основаны на прошлых потерях!

Мудрость пророка не осталась незамеченной во дворце. Бывало, Валтасар приглашал Даниэля, беседовал с ним, советовался по вопросам внешней и внутренней политики Вавилона. Следует признать, что монарх осторожно относился к рекомендациям Даниэля, не исключая эгоистичный умысел мудреца ради единоверцев.

Обычно в продолжении визита царственный хозяин и его гость, польщенный высочайшим вниманием, усаживались за стол и состязались умом и удачей, играя в ур. Быстрый разумом Даниэль вел борьбу честно, не грешил угодничеством, не поддавался венценосному партнеру и почти всегда побеждал. Проигрыши царя в ур не убавляли от его уважительного отношения к Даниэлю.

Сина, одна из законных жен Валтасара, имевшая некоторое влияние на мужа, относилась одобрительно к визитам Даниэля, полагая их благотворными. Беседуя с мудрецом и проводя долгие часы за игрой, легкомысленный ее супруг не мог, по крайней мере, предаваться своим слабостям – вину и женщинам. Вот только не нравилось Сине, что гость не соглашался трапезничать за царским столом. Разве что на

кружку чистой воды ей удавалось уговорить упрянца.

Что касается Акивы, то он трудился и процветал в провинции. Сведения о нем скупы: женился, остепенился, породил потомков. Автор настоящей повести весьма огорчен и истинно сожалеет об исчезновении из анналов Ниппура записей о подробностях семейной жизни талантливого сыщика. Читателю предлагается домыслить самому этот важный аспект истории древнего Вавилона.

Случилась большая беда во дворце. Остановилось сердце не старого еще царя. Плох ли, хорош ли – умер Валтасар, вот главное! И тут, заливаясь истинными или притворными слезами, осознали подданные великость потери, ибо беспредельно важно было, что с Валтасаром-то жил Вавилон сравнительно мирно. А без него каково будет?

Даже простолюдина смерть не проходит бесследно, а уход монарха и вовсе страшен. Внезапная же кончина потрясает вдвойне. Сладостно попивал царь напиток безмятежности, но слишком непрочным оказался прекрасный сосуд. Да, сработан он был из лучшей гончарной глины, однородной и без крупинок, протертой сквозь густое сито. Вот только стенки посуды, вылепленной искусными руками мастера, получи-

лись чересчур тонки и опасно хрупки.

Смерть царя чревата волнениями черни и смутой среди власть придержащих. В Вавилоне жили многие народы, но слабые и зависимые иудеи встревожились более других. Отсюда становится понятно нам, что на долю пророка Даниэля выпала важная и ответственная роль защитника единоверцев.

Накануне своей гибели любитель гульбы Валтасар затеял знатный пир во дворце. И не было бы в этом диком празднике вина и женских ласк ничего нового и диковинного, кабы под конец оргии не заметил царь красную надпись на белой стене. Ужасно взволновался Валтасар, затрясся всем телом: не иначе, предвидел нечто – то ли счастливое, то ли роковое.

Верная и рассудительная Сина поддержала нетвердого духом супруга. Разумеется, благонравная матрона не участвовала в разгульном кутеже, но, услышав от подавальщицы на пиру, что Валтасар охвачен смятением, поспешила к мужу и дала ему дельный совет: немедленно призови друга семьи Даниэля – пускай де объяснит непонятную надпись, и полегчает у тебя на сердце.

Даниэль без промедления явился на зов. Прежде, чем прочесть надпись на стене и растолковать царю смысл крас-

ных букв, он с тревогой взглянул в лицо Валтасару. Глаза монарха светились бешеным блеском, щеки и лоб горели огнем. Даниэль смекнул, что случилось нечто чрезвычайное и, возможно, грозящее бедой. Пророка не обмануло профессионально изошренное предчувствие. К исходу следующего дня Даниэля известили о смерти Валтасара.

У покойного монарха не было зрелых наследников, а природа власти не терпит пустоты. Дабы удержать от ошибок разных придумщиков авантюр из числа царедворцев, важный сановник Дарий Мидянин временно занял трон Вавилонии.

Как унять всеобщее смятение и остановить лихорадку слухов? Первым делом, конечно, следует выяснить обстоятельства гибели монарха. На первый взгляд причина смерти Валтасара была криминального свойства. Но вместе с тем густой туман непредсказуемого нрава усопшего царя

мешал разглядеть истину. Чтобы найти ее, требовались и опыт дознавателя, и мудрость пророка. Дарий решил, что на роль открывателя тайны ему не найти кандидата лучшего, чем Даниэль. В пользу последнего говорил его адекватный послужной список.

Даниэль был вновь призван во дворец. Дарий уполномочил мудреца отыскать разгадку внезапной смерти монарха. Даниэль с готовностью взялся исполнять поручение. Он сознавал, что осуществление возложенной на него миссии вполне может иметь практическое значение для судьбы его соплеменников. Кроме того, искусный пророк предугадывал духовно-воспитательный потенциал сей истории, и посему намеревался вставить описание оной в свое пророчество.

Имелось одно обстоятельство, которое беспокоило Даниэля. Годы наставнической и пророческой деятельности отчасти изгладили из памяти мудреца навыки расследования. Стало быть, пророку нужен помощник. Таковым вполне мог стать Акива, практикующий ниппурский сыщик. Дарий одобрил идею привлечения компетентного дознавателя и назначил Даниэля руководителем следственной группы.

II

Размышлять о давно минувшем в своей жизни – разве не значит это жить дважды? Вот достиг некто почтенного возраста, и доволен своим настоящим и любит перебирать в памяти события прошлого. Отчего такая тяга к воспоминаниям? Казалось бы, что проку копать в ушедшем? Оказывается, есть резон! Морщины добавляются временем, а сглаживаются воспоминаниями, а они, словно волшебные сапоги, не изнашиваются и не рвутся.

Положим, не успешен был человек в молодые годы, терпел неудачи всякого рода, бедность, унижения. Однако здоровый дух не боится брать с собой в дорогу груз старых поражений. Отречение от прошлого есть зло и заблуждение. Зато как приятен контраст благополучной зрелости с горькой юностью! Думает человек, мол, не приходит удача к кому попало – нет, она достойного ищет! Умного, цепкого, терпеливого. Стало быть, заслужен успех, и есть, чем гордиться, да и размышлять о минувших невзгодах приятно.

Ну, а если, скажем, молодость удалась и отметилась восхитительными достижениями, столь вожаделенными юному сердцу? О, это, должно быть, особенно сладкая мысль о про-

шлом! Тогда престарелый любитель реминисценций смело составляет о себе самое высокое мнение – горит в нем искра Божия, он счастливый баловень судьбы. Его превозносят смолоду и почитают до седых волос.

Даниэль имел обыкновение мысленно возвращаться к событиям прошлых дней, и его можно с полным основанием отнести ко второй категории охотников освежать в памяти былое. Он начинал с доходного и плодотворного труда ниппурского дознавателя и преуспел на этом посту. Нынче Даниэль славен как пророк, важный духовный наставник поколения. Его уважают и свои, и чужие. То бишь, иудеи и вавилоняне. Он любим и принят во дворце. Чего же еще желать от жизни на склоне ее?

Трагические события в царском семействе доставили Даниэлю еще одну прекрасную возможность продемонстрировать свою ценность для вавилонского истеблишмента и этим принести пользу единоверцам – прибавить доверия властей к ним.

Даниэль сидел в своем маленьком доме и ожидал прибытия гостя. Скромная комната вавилонского пророка сильно уступала величиной, удобствами, красотой и количеством

мебели прежнему рабочему кабинету бывшего ниппурского сыщика. Это обстоятельство ничуть не огорчало Даниэля. Разве вклад наставника в духовный рост поколения определяется пышностью его апартаментов?

Послышался шум подъехавшего к дому закрытого экипажа. Возница ловко остановил лошадей – пару сытых и холеных животных. Спустился со своего места, обогнул нарядную рессорную повозку, подошел к двери, открыл ее и почтительно склонил голову. Показался весьма солидный человек средних лет, благообразной наружности и богато одетый.

Даниэль не по-стариковски проворно выбежал навстречу гостю – Акива приехал! Дядя и племянник восторженно обнялись, радуясь встрече, скупно по-мужски расцеловались. На мгновение редкая белая борода Даниэля смешалась со слегка подернутой сединой густой черной бородой Акивы.

– В дом, в дом, скорее проходи в дом, дражайший племянник! – проговорил Даниэль, проведя ладонью по увлажнившимся глазам.

– Иду, дядюшка, иду, – ответил не менее расчувствовавшийся Акива.

– Авишаг! – прокричал Даниэль, – подай воду – умыться с дороги дорогому гостю!

– Несу, несу, – радостно ответила Авишаг, повторением слов подражая мужчинам, поставила на лавку таз с водой, а рядом положила чистое полотенце.

– Узнала молодца? Каков, а? – воскликнул Даниэль.

– Узнала не сразу! Солидный стал, раздобрел, одет богато, и карета под стать. Видно, хорошо живется в Ниппуре, должность прибыльная, – проговорила Авишаг и бросила короткий взгляд на мужа.

– Вы по-прежнему молоды, тетушка Авишаг! Красота при вас! – широко улыбаясь заметил Акива.

– Ах ты льстец! Выучился манерам. Видно, должность требует! – заметила Авишаг и подмигнула дамскому угоднику.

– Да что ты, женушка, Акива наш от молодых ногтей отличался любезностью! Природный дар у него!

– Скорее рассказывай, дорогой ты наш гость, на ком женился, какие детки народились, как семейству твоему в нашем прежнем ниппурском доме живется, что в саду произрастает! – зачастила Авишаг.

– Ну, это всё потом, Авишаг, а сейчас нам с Акивой разговор важный предстоит, потому оставь нас, женщина!

– Эх, муженек, может, от племянника наберешься учтивости! – досадливо бросила Авишаг и, поджав губы, вышла.

– Покуда есть у нас общие дела, поживешь у меня, – сказал Даниэль, – хоть и скромен мой нынешний дом, а места хватит.

– Благодарю душевно, но я уж остановился в самом Вавилоне, у бывшего клиента моего, Асаф его звать, – ответил Акива, – может, слышал о таком?

– Не припомню. Я всех богачей в Вавилоне не знаю. Однако слава Богу, что нашел себе временное прибежище, – с облегчением добавил Даниэль, – удобно тебе там?

– Вполне. Дом у Асафа просторный. Он вдовец. У него две дочки-близняшки, юницы еще, зовут Рина и Пнина. Мое изрядно развившееся профессиональное предчувствие говорит мне: семейство это будет нам в помощь. Рина и Пнина уж успели мне кое-что любопытное прошебетать. Милые крошки, нежный возраст.

– Поговорим о нежных крошках чуть позднее. Из моего письма ты знаешь главное – по неизвестной причине умер Валтасар. Нам с тобою предстоит раскрыть тайну смерти царя и заодно нащупать скрытые пружины, что привели в действие печальные события.

– Нас будет интересовать только дело о смерти монарха?

– Есть еще кое-что, о чем я не писал тебе. Осквернены священные кубки, вывезенные великим Навуходоносором, отцом Валтасара, из иерусалимского Храма. Прежний монарх хранил драгоценные сосуды в неприкосновенности во дворце. Для пользы народа иудейского нам следует докопать-

ся до истины – по чьей вине поруганы святыни.

– Задачи сложные и этим интересные, достойные лучших детективов Вавилонии, то бишь нас с тобою, дядюшка!

– Да уж! Сыщиков более проницательных не найти во всей империи. Кстати, нам предстоит явиться во дворец к временному правителю Дарию Мидянину. Он официально нас уполномочит на совершение расследования.

– О, я рад! Мне еще не приходилось видеть монаршие хоромы. Хотя и много я в молодости путешествовал по Вавилонии, но в столичном царском дворце не бывал!

– Вот и узришь своими глазами, дорогой Акива, каково оно, истинное великолепие!

– Смею надеяться, нам выйдет неплохая награда за успешное дознание. А ты как думаешь, дядюшка?

– Вполне возможно. Тут мы и проверим щедрость Дария. Однако, вспоминаю я о том, что прежний хозяин хоть и не баловал меня наградами, зато я частенько бывал принят во дворце, и слово мое ценилось.

– Ты всегда на шаг впереди меня!

– Я старше тебя, племянник! А сейчас не пора ли нам перейти к делу?

– Пожалуй!

– Рассказывай, что тебе, а, вернее, нам, уже известно, –

промолвил Акива.

– Итак, я приступаю, – деловито сказал Даниэль, – внемли. Сперва я сообщу то, что услышал от Сины.

– Кто это – Сина?

– Жена Валтасара. Теперь уже вдова.

– Буду во дворце – выражу соболезнование вдове.

– Ты образец учтивости. Так вот, Сина сказала, что Валтасар за день до смерти устроил роскошный пир.

– По какому поводу?

– Это не известно. Думаю, не имеет значения. Гуляка Валтасар любил попойки и был изобретателен на поводы. Сина поведала мне, что под конец бражничанья муж ее вдруг ни с того ни с сего страшно взволновался, да так, что колени задрожали. Он указывал рукою на белую стену и всё кричал и спрашивал у гостей, мол, что это написано красными буквами на белой стене? Но слишком захмелевшие гости не обращали внимания на крики царя и забавлялись со своими полуодетыми милашками.

– Сина присутствовала на пиру и сама наблюдала происходящее?

– Ну что ты, Акива! Почтенная супруга государя не принимает участия в чинимых Валтасаром безобразиях!

– Стало быть, она передала тебе чьи-то слова?

– Да. Подавальщица угощений видела всё собственными глазами, пересказала Сине и призвала ее в пиршественный зал, дабы та угомонила царя. Встревоженная Сина немедлен-

но покинула свои целомудренные покои, ворвалась в обитель греха, увидала не в меру взбудораженного Валтасара и принялась успокаивать мужа.

– А что, женщины любили Валтасара?

– Еще бы им не любить такого красавца и бойкого повесу!

– И как же утешала Сина смятенного супруга?

– Сперва она предложила Валтасару собрать вместе всех дворцовых звездочетов, магов, волшебников – пусть объяснят, что написано на стене. Царь так и поступил, но никто из придворных советников не сумел помочь растерянному монарху.

– Дядюшка, я, кажется, догадался, что случилось дальше!

– А я догадался о том, о чем ты, мой племянник, догадался! Совершенно верно! Сина посоветовала мужу вызвать во дворец меня. “Кто, кроме мудрого Даниэля способен прочесть таинственную надпись на стене и успокоить тебя, милый Валтасар! Наш Даниэль умеет и сны толковать, и любую загадку разгадает. Нечему удивляться, ведь ему помогает всемогущий Бог его!” – сказала она мужу, а потом передала эти слова мне.

– Полагаю, ты не заставил себя ждать и немедленно явился во дворец?

– Точно! Я застал Валтасара в страшном возбуждении. Я понял, что по какой-то причине ему крайне важно понять смысл слов на стене. Он стал льстить моим талантам и пообещал воистину царскую награду: пурпурное одеяние и зо-

лотое ожерелье. Но и это не всё – монарх посулил мне подарить треть царства!

– Недурной гонорар, однако!

– Сам понимаешь, Акива, я отказался от наград.

– Да почему же, дядюшка?

– Ах, какой ты еще зеленый, племянничек! Ведь я пророк, а не делец! Я тружусь во имя вечной славы, а не ради суетной земной выгоды.

– Должно быть, я слишком приземлен, и не доступно мне понимание высокого!

– Какие твои годы? Поймешь еще! Я быстро вник в смысл настенной надписи и разъяснил ее суть Валтасару. Он схватился за голову и спешно бросился в свои покои. Вскоре люди увидели, как царь покинул дворец. Назавтра мне с пригорбьем сообщили, что мертвое тело Валтасара найдено у ворот Вавилона.

– Любопытно, какова судьба наград, от которых ты отказался?

– Коли это так уж любопытно тебе, могу просветить. Валтасар перед бегством из дворца успел отдать распоряжения придворным, и слуги принесли мне дорогую одежду и драгоценные украшения. Я поместил эти вещи в доме учения, в комнате, что служит музеем подарков нашим мудрецам.

– Ты получил одежду и украшения. А обещанная треть царства, надеюсь, теперь в твоём распоряжении, дядюшка?

– Увы!

– Ясно. Каков смысл надписи на стене?

– То была угроза скорого нападения персов на Вавилон. Я полагаю, для Валтасара сии слова означали нечто такое, что требовало от него немедленных действий. Нам это предстоит выяснить.

– Что известно об осквернении кубков из иерусалимского Храма?

– Когда я вошел в пиршественный зал, я сразу заметил в руках нечестивых пьяниц и их распутных девок священные кубки, взятые отцом Валтасара из Храма. Язычники пили некошерное вино из нашей сакральной посуды, касались ее своими порочными руками и богохульными устами. Я внутренне содрогнулся.

– Я полагаю, что как раз-таки в облегченном поведении своем девки мало виноваты. Уверяю тебя: распутство распутных женщин – это их самый незначительный грех!

– Тебе, молодому, видней. Замечу при том, что исправить закосневших в пороке – все равно, что обуздать ветер. Однако давай не будем отвлекаться.

– Хорошо, давай не будем отвлекаться. Почему ты решил, что сосуды эти взяты из иерусалимского Храма?

– Кубки плакали, и слезы бессильного отчаяния текли по их крутым бокам. Они вопияли о постигшем их бедствии. У меня есть дар видеть слезы страдания и слышать голос терпящего невзгоду. А, кроме того, разве может быть что-либо красноречивее наших квадратных букв, выгравирован-

ных на золотых стенках сосудов?

– Мне думается, что дело о кубках навряд ли заинтересует Дария, оно важно лишь для нас, для иудеев, не так ли?

– Безусловно.

– Теперь, Акива, расскажи-ка, что успели прощепетать тебе близнецы Рина и Пнина? – спросил Даниэль.

– Девочкам по одиннадцати лет. Они сироты по матери. Их воспитывает няня, а в экстремальные педагогические ситуации вмешивается папаша Асаф: важные вещи он не оставляет на произвол воспитательницы и судьбы, – сказал Акива.

– Какие еще экстремальные педагогические ситуации?

– Я проверю и доложу тебе.

– Так что же всё-таки полезного для нашего расследования ты успел узнать от малолетних девиц?

– Рина и Пнина успели сообщить мне, что до недавнего времени в их доме жила некая юная персидская особа по имени Рудабэ. Она была старше Рины и Пнины на четыре года, но это не мешало близняшкам дружить с нею. Теперь Рудабэ куда-то пропала и юницы чрезвычайно огорчены и даже плачут об исчезновении старшей подруги.

– Пока не вижу, что может нас тут заинтересовать. Разве, что посочувствовать девочкам, а то и поплакать вместе с ни-

ми!

– Боюсь, ты ошибаешься, дядюшка! Небезынтересно для нас, что сам Валтасар навещался в богатый дом Асафа и проводил время с тремя подружками.

– Хороши причуды у монархов! Зачем он это делал?

– Вопрос в самую точку! Вот это и предстоит нам понять.

Чутье подсказывает мне: здесь что-то кроется!

– Жаль, что не ясна нам цель визитов Валтасара в дом к Асафу. А что, девочки неразговорчивы? Молчуньи?

– Наоборот, они с большим воодушевлением трещали языками! Но как только строгий отец увидал, что они болтают со мной, тут же прогнал дочерей, дескать, марш к себе, мелюзга, вас куклы ждут!

– Обед готов, важные мужчины! – раздался из соседней комнаты голос Авишаг.

– Омоем руки, и – за стол! – проговорил Даниэль.

За скромной трапезой дядя и племянник вспоминали свое первое совместное расследование – как разоблачили они авантюриста Йони и его возлюбленную, красивую и лживую мужнюю жену Шош.

III

Во все времена (да и поныне так) умные из людей задавались вопросом: “А хорошо ли это – добиваться своей пользы?” Молчаливо предполагалось при этом, что ответ непременно существует. Недостатка в жизненных примерах никогда не было, и подходящие факты изобильно окружали мыслителей. Может быть, именно поэтому последние обязательно находили решение проблемы – каждый в меру отпущенных ему судьбой интуиции и проницательности.

Углубляясь в проблему, иные интеллектуалы пытались выяснить вещи, которые казались им более фундаментальными, чем ответ на первоначальный вопрос об упорстве в преследовании собственной выгоды. По мнению сих мудрецов, сперва следовало уяснить, что такое “хорошо”, и что такое “польза”. Да и в том, как следует понимать слова “добиваться пользы” и “своя польза” – тоже не лишне разобраться. Известно, что ключ ко всякой истине – это вопросительный знак!

Интерпретаторы человеческой природы понимали упомянутые фундаментальные вещи всяк по-разному. Сообразно своему разумению, каждый предлагал собственный ответ на

первоначальный вопрос.

Принималось во внимание то соображение, что в жизни больше пустого, чем полезного. Беспристрастно и честно исследовалась и постыдная реальность: из всех живых существ лишь человек не знает толком своей пользы.

Не обошлось без колебаний и сомнений: каковы последствия домогательства шкурного интереса? Подобное деяние может привести только к ущербу другим, или же содержит оно общеприбыточную составную часть? Затруднения мыслителей совершенно естественны и ничуть не удивительны. В самом деле, разве существуют в мире однозначные явления? Как истолкуешь, так и аттестуешь!

О коллективной пользе рассуждали, оценивая реальные последствия. Вот, скажем, если некто достигнет своей вожденной выгоды, то кого именно порадует результат? И велико ли будет число благодетельствованных? А многие ли понесут урон, и в чем он выразится? Кого и что следует предпочесть? Ответы на эти простые на первый взгляд вопросы требовали немалой находчивости и хорошего владения словом. Всем сразу не угодишь – ведь от пользы до справедливости путь далек, как от земли до луны! Конкретный ход мысли бывал в помощь искателям истины.

Утвердились крайние и срединные мнения. Одни говорили, мол, кто старается для себя, тот умерщвляет великодушные в сердце. Натуры художественные утверждали, что каждый творец должен преследовать собственную корысть, а иначе, ему не создать достойных творений. Появилось даже такое оригинальное представление, будто радение об единоличной выгоде есть признак малой любви к своей персоне.

Короче говоря, суждения на сей предмет весьма многообразны и удовлетворяют любой вкус. Это обстоятельство дает надежду всякому, от эгоиста до альтруиста, найти для себя научные основания для благоприятной самооценки.

Мы с вами, дорогие читатели, не будем соблазняться попытками решить проблему. Вспомним слова поэта: “Мы не знаем, кто тут прав, – пусть другие то решают...” Давайте-ка лучше воспользуемся отмеченным многообразием конкретных примеров и постараемся применить их к сравнительному анализу умонастроений и намерений наших героев – ведь и дяде, и племяннику не чужды себялюбивые порывы.

Если говорить об Акиве, то, как может показаться, им руководят только две вещи – любовь к мамоне и тщеславие. Сие верно в том смысле, что эти стимулы сильны в нем и рулят его умом и сердцем. Но ошибочно полагать, будто бы ниппурский дознаватель не имеет никаких иных побужде-

ний и равнодушен к благу единоверцев. Он вовсе не глух к голосу крови и слышит его, хоть и не столь явственно, как голос золота, но, главное, слышит! К сожалению, до наших современников не дошли сведения о том, в каком направлении действовали на Акиву взгляды его супруги.

Приняв на себя долю в раскрытии причин гибели вавилонского царя, Акива не упускал из виду ту пользу, которую может принести его единоплеменникам установление истины. Он пребывал в уверенности, что, продемонстрировав властям сколь ценен для них один иудей, он тем самым побудит высшие круги и простонародье Вавилонии возлюбить весь иудейский народ. Жизнь показала, был ли Акива прав – то ли целиком, то ли хотя бы отчасти. Или же он крепко заблуждался в своих философических расчетах. Хотя, как говорят, лучше заблуждаться, чем испытать обидное разочарование.

Что касается Даниэля, то сей муж давно миновал возраст, когда сердцу требуется быстрый успех. В бытность сыщиком он изрядно насладился громкими похвалами и щедрыми гонорами. Блестящий дознаватель, возмужавший Даниэль начал томиться суетной славой. Душа рвалась к новизне. Но кое-что осталось неизменным в светлой голове служителя правосудия: по-прежнему пронизательный и неумный мозг требовал сложных задач и ярких решений.

Став пророком, Даниэль последовательно и упорно трудился над выковыванием репутации мудреца. Он более не прельщался выгодами быстрого, но суетного успеха. Касательно новых воззрений, заметно было, что честолюбие Даниэля ушло с переднего плана и переместилось в область фона, впрочем, не совершенно тусклого. Появилось здоровое равнодушие к достатку. “Не скорая прижизненная слава, но вечная благодарность потомков-единоверцев нужна мне!” – твердил он сам себе.

Даниэль ухватился за предложение Дария расследовать загадочные обстоятельства смерти Валтасара. “Раскрыв тайну, я представлю вавилонского царя гонителем моего народа и осквернителем наших святынь. Тем самым я внесу неоценимый вклад в воспитание моего племени, всеми и всюду теснимого!” – строил планы Даниэль.

Двух целей желал достичь Даниэль: быть полезным единоверцам и выложить фундамент для будущего монумента своей славы. Которая из этих двух целей ведущая, а которая ведомая – вопрос не вполне ясный, пожалуй, дискуссионный.

В день аудиенции у вавилонского правителя, Акива остановил свою роскошную карету напротив крыльца дома Даниэля. Богатый ниппурский детектив намеревался взять с собою менее состоятельного вавилонского пророка и вместе с ним явиться во дворец.

– Я всю ночь обдумывал предстоящий разговор с Дарием, – сообщил Даниэль, занимая сиденье рядом с Акивой.

– А я, признаться, испытываю нетерпение поскорее увидеть царские хоромы, – заметил в ответ Акива.

– Племянник, неужели ты не чувствуешь волнения перед встречей с владыкой великой страны Вавилонии?

– По правде говоря, дядюшка, я ничуть не тревожусь. Ведь Дарий зовет нас, и этим все сказано. Абсолютно ясно, что наши выдающиеся таланты позарез нужны правителю, стало быть, нам не о чем волноваться!

– Ах, молодость – сколько силы и уверенности в ней! – с некоторым оттенком зависти вздохнул Даниэль.

– О нашем визите осведомлены. Гляди, привратник вышел нам на встречу, отворяет городские ворота, низко кланяется!

– Приветливый охранник – хорошая примета при въезде в державную столицу. Уж поверь мне, племянник, я бывал здесь много раз.

– Верю. Мы, кажется, у цели.

– Мир вам, умнейшие из иудеев! – промолвил Дарий, восседавший на высоком парадном стуле, однако, не на троне.

– Мир тебе, всесильный владыка Востока! – ответил Даниэль, поклонившись ниже, чем он кланялся Валтасару.

– Мир тебе, всесильный владыка Востока! – повторил племянник вслед за дядей, восторженно оглядывая пышное великолепие тронного зала.

– Я вижу, почтенный Даниэль, твоему молодому родственнику нравится у меня! – ухмыльнулся Дарий, – представь мне своего кровника.

– Это – Акива, сын моего покойного брата, – промолвил Даниэль и легонько подтолкнул племянника в спину, чтобы тот поклонился.

– Слава о великом ниппурском дознавателе дошла и до меня, – заметил Дарий, – ты же, почтенный Даниэль – мудрейший из мудрых. Ты далеко превзошел умом всех придворных советников!

– Спасибо, Дарий! – отозвался Даниэль.

– Спасибо, Дарий! – повторил Акива.

– На этом, я думаю, нам пора закончить комплиментарную прелюдию, и перейти к делу, – сказал Дарий.

– В предыдущей беседе со мной, достойный Дарий, ты поручил мне разобраться с причиной смерти Валтасара. Я просил твоего согласия привлечь к делу племянника. Идея была одобрена тобою. И вот мы с Акивой находимся здесь, чтобы

выслушать из твоих уст напутствие и новые пожелания, если таковые возникли.

– Даниэль, я назначаю тебя старшим следственной группы. Я надеюсь, что вы с Акивой, будучи заранее осведомлены о моем одобрении, не теряли времени даром и уже успели собрать какие-либо проясняющие дело факты, – с важностью произнес Дарий.

– Да, кое-что нам уже известно, но впереди нас ждет огромная работа, – не менее важно ответил Даниэль.

– Дарий, для ведения следствия нам потребуются свидетельские показания причастных лиц. Поэтому необходимо твое разрешение на беседы с придворными, охранниками, женщинами и прочими релевантными фигурами, – обратился с просьбой Акива.

– Как главное лицо Вавилонии, я разрешаю вам допрашивать всех без исключения подданных империи.

– Благодарим! Теперь мы начнем действовать, засучив рукава, – за себя и за Даниэля заверил Акива.

– А, случаем, не преувеличиваете ли вы, дорогие мои иудеи, огромность предстоящей вам работы?

– Зачем же нам преувеличивать? – обиженно возразил Даниэль.

– Чтобы набить себе цену! – шутливо заметил Дарий.

– А не преуменьшаешь ли ты сложность задачи? – дерзнул вопросом Акива.

– А к чему мне это? – удивился Дарий.

– Чтобы убавить цену награды! – откровенно заявил Акива.

– Не тревожься, молодой человек, – ответил Дарий на смелый выпад Акивы, – оба получите за труды сполна!

– Надеюсь, – заметил Акива.

– Истина – она на вес золота! – двусмысленно добавил Даниэль.

– А, по-моему, дело это простое, – продолжал подтрунивать Дарий, – чего тут долго думать да гадать, коли надпись на стене!

– Вот именно, что надпись на стене! И никто из придворных мудрецов разобрать ее не мог! – бросил Даниэль, – только я и справился!

– Да полно тебе, Даниэль! Шучу ведь я! – успокоил Дарий, – помните, однако, иудеи, что по нашим вавилонским мерам Валтасар был человеком положительным!

– Мы расследуем дело объективно, отвергаем любые предубеждения! – достойно провозгласил Акива.

– Напомню тебе, Дарий, – сказал Даниэль, – что еще Навуходоносор, отец Валтасара, сильно обидел народ иудейский, убил многих, Храм порушил, да что и говорить – изрядно бед натворил! Вот и сын от отца мог набраться! Но это к нашему делу не идет, мы с Акивой расследуем без предвзятости и беспристрастно!

– И я не одобряю пристрастности, – заверил Дарий, – однако, когда славный Навуходоносор отправил с визитом

дружбы послов к вашему царю, тот, вместо того чтобы выразить свое восхищение величием Вавилонии, сам стал хвастать перед послами, да и жена его принялась похваляться украшениями.

– Да чем же было хвастать-то царю иудейскому? – возмутился Даниэль, – народ мой беден и тесним!

– А вот послушай! Говорил, дескать, армия его замечательно пограбила вавилонские города. Стал показывать украденное у нас магнитное железо, слоновую кость, твердый мед, который можно резать ножом! – с досадой вспомнил Дарий предания седой старины.

– Тут ты верно говоришь, Дарий, глупо вел себя царь Иудеи. Поэтому наш пророк поставил на вид монарху сей негодный факт! – парировал Даниэль.

– Не бывает годных или негодных фактов! – раскипятился Дарий, – факт есть факт! Я слыхал о вашем пророке, он предрек глупому царю, что мы, вавилоняне, накажем вас и завоюем Иерусалим, и часть народа иудейского переселим в Вавилонию! Так и вышло! Хвала вашему провидцу! Я восхищаюсь им, и поэтому никто не укорит меня в необъективности.

– Иудеи усвоили урок, – ответил Даниэль, – и другой наш мудрец, коего вы пленили, писал из Вавилона единоверцам в Иерусалим, мол, мы молимся за здоровье Навуходоносора, и вы должны молиться об этом же, а Валтасар, сын великого владыки, весьма добр к народу нашему, и, дай Бог, дальше

не хуже!

– Лицемер ваш мудрец, не думал он этого, да и ты так не думаешь, а еще говоришь, дескать, расследование ведешь непредвзято! – сердито заметил Дарий и стукнул посохом по мозаичному полу.

– Что Даниэль думает, то никому знать не дано, – вставил Акива, – мысли в чужой голове даже дядюшка мой читать не умеет!

– Зато дядюшка твой, Акива, помнит, – возразил Даниэль, – как сказал один из наших книжников: “Человеку, спасшемуся от льва, худо попасть в лапы к медведю!”

– Туманно это, – заметил Дарий.

– Лев – это Навуходоносор, а медведь – Валтасар. Медведь не так жесток, как лев, но какая разница, от чьих когтей погибать! – пояснил Даниэль.

– Ваши книжники все на свете перетолкуют и простые вещи в сложные обратят! – убежденно сказал Дарий.

– Зачем спорить о правоте, коли у каждого она своя, – возразил Акива, – давайте лучше дело делать!

– Ты прав, молодой человек! Приступайте к работе, иудеи! – завершил беседу Дарий.

IV

Получило известность выражение, с веками обретшее ре-
номе мудрости: “Плох тот ученик, который не превзошел
учителя”. Сомнительна универсальность такого суждения.
Истинность оногo небесспорна. Известны разнообразные, в
том числе и противоположные мнения, и правота многих
вполне подкрепляется доказательными доводами. А уж если
не получается доказать какое-либо утверждение, то проде-
монстрировать справедливость его на примере всегда мож-
но. Поскольку существуют различные интерпретации, то,
безусловно, найдутся резоны и в пользу приведенной сен-
тенции.

Честолюбивое желание ученика превзойти учителя по-
рой нарушает идиллию бескорыстного сотрудничества стор-
он. То же самое можно сказать и об эгоистическом стремле-
нии учителя удержать первенство. Используя несомненные
достижения современного научного жаргона, можно гово-
рить о неблагоприятных переменах в психологическом мик-
роклимате образовательного тандема.

Копатели сей темы выдвинули немало оригинальных суж-
дений. Скажем, утверждается, что ученик никогда не пре-

взойдет учителя, если видит в нем образец, а не соперника. Или вот еще интересная находка: для иного учителя нет большей муки в жизни, чем слишком приверженный ему ученик.

Теперь обратимся к героям нашей повести, а именно, к ниппурскому образовательному тандему, включавшему учителя Даниэля и ученика Акиву. В начале совместной службы на страже вавилонских законов дядя обучал племянника сыскному делу, и читатель помнит, конечно, историю раскрытия преступлений Йони и Шош.

Прошло время, новая задача потребовала решения, и годы переменили роли.

Следовало раскрыть тайну смерти Валтасара. Посвятив свой талант труду пророка и отчасти запамятовав навыки детектива, Даниэль уже не чувствовал себя вполне уверенно в области сыска. Поэтому он призвал на помощь Акиву. Стало быть, учитель в прошлом, Даниэль превратился в ученика. Искушенный же в сыскном деле бывший ученик Акива готовился стать учителем.

Заметим, что случившаяся метаморфоза ничуть не опечалила Даниэля. Точно также, как не огорчил его факт ужимания семейного бюджета. Возжелав славы в веках, Дани-

эль сравнительно легко простился с некоторыми благами дня сегодняшнего. Вероятно, пророк полагал, что подлинно великие мысли и деяния никогда не могут быть по достоинству оценены вечно близорукими современниками. Зато, выученные ошибками предков, будущие поколения имеют шанс взобраться на сияющие вершины разума.

Приземленный Акива, в отличие от духовного Даниэля, придавал большое значение лидерству. Еще в Ниппуре, будучи учеником дяди, племянник желал непременно отличиться и превзойти учителя. Теперь, призванный Даниэлем в помощники, а, фактически, в учителя, Акива чрезвычайно гордился доверием Дария и очень желал и надеялся доказать свое превосходство.

Однако, если спросить Акиву, зачем ему первенство, то он не найдет с ответом, ибо веление сердца логически не объяснимо и не подвластно рассудку. Внутренний императив, так сказать. Невыносимая загадка бытия.

Будучи в Ниппуре дознавателем, Даниэль успешно завершал расследования одно за другим и завоевал прочную репутацию блестящего детектива. Переехав в предместье столицы, он оставил в головах провинциалов самые лучшие воспоминания о своих деяниях. Народному любимцу не обязательно умереть, чтобы его достижения безмерно превозно-

сились благодарными ценителями – ему вполне достаточно просто покинуть пост, оставаясь при этом живым.

Нет ничего удивительного в том, что амбициозная цель, поставленная перед самим собой новым ниппурским дознавателем, оказалась весьма трудно достижимой: ведь чтобы превзойти славу прежнего детектива, Акиве требовалось преодолеть эмоциональную инерцию обожателей таланта Даниэля. Необходимо было выглядеть существенно лучше предшественника – только при этом условии Акива мог иметь надежду занять место народного фаворита в сердцах горожан.

Трудно с уверенностью сказать, исполнил ли честолюбивый Акива свое желание не просто стать любезным народу, но и превзойти в этом Даниэля. Не исключено, что это так. Но точно знать нельзя, ибо не известны нам критерии любви вообще, и любви народной в частности. Однако можно утверждать наверняка – Акива добрался до подлинных высот мастерства и справедливо обрел заслуженную славу.

Поселившись у Асафа, своего бывшего ниппурского клиента, и случайно разговорившись с его малолетними дочерьми, Акива узнал, что прежде в этом доме бывал Валтасар.

По словам Рины и Пнины, царь полюбил их, но в особенности монарх благоволил к старшей воспитаннице по имени Рудабе. Эти обстоятельства показались Акиве обещающими с точки зрения будущего расследования. Поэтому он решил укрепить дружбу с юницами, а также расположить к себе их строгого отца и бдительную няню.

Нет лучшего способа завоевать приязнь любящих родителей, чем выразить неподдельный восторг достоинствами их чад.

Акива подумал, что выдавший виды отец близняшек осведомлен гораздо лучше его малолетних дочерей и вполне может стать полезным свидетелем. Поэтому ему необходимо было, во-первых, растопить суровость Асафа, а, во-вторых, умастить няню Рины и Пнины.

– Асаф, давно ли ты перебрался из Ниппура в Вавилон? – полюбопытствовал Акива, словно бы ему это не было известно – ведь он пристально следил за передвижениями своих бывших клиентов, ибо рассчитывал, что богатый заказчик при случае вновь обратиться к нему.

– Пять лет минуло, Акива, – ответил Асаф, уверенный, что дознаватель знает это не хуже его самого, и задает вопрос ради некой цели, к которой подбирается.

– За такой срок, небось, успел забыть, чем мы с тобой занимались в Ниппуре? Помнишь ли, как ловко я вывел тебя

из затруднения?

– Разумеется, помню, дорогой друг! Ничто дорогое не забывается!

– На что спрос, на то и цена! Хоть и дорого тебе вышло, зато изрядно пособил я твоим делам, и кто, кроме меня, сподобился бы повернуть этакое дельце? Теперь вот ты в столице процветаешь. Помогай Господь, чтобы дальше не хуже. Если вновь запутаешься – обращайся ко мне, не гнушайся нашего провинциального воздуха!

– Да уж куда мне теперь без тебя, Акива! А процветаю ли я? Дела в порядке, казна полнится, да только...

– Знаю, Асаф. Нелегка ноша вдовца, огромна потеря, и горе глубоко в сердце свило гнездо. Поверь, всей душой соболезную. Но, кажется, есть у тебя отрада?

– Спасибо за сочувствие, друг. А отрада и впрямь у меня имеется. Рина и Пнина, дочери-близнецы, свет моей жизни. На покойную матушку свою походят. Гляжу на них – и сердце поет, и слезы текут.

– Какие чудные девочки, дай Бог здоровья малышам! Уменьшечки, стройнечки, личики ангельские. Одно слово – красоточки! Найти стоящих женихов таким принцессам – задачка для папаши не простая. Да уж ты справишься!

– Верно, Акива, дочки мои очень хороши – милые, нежные, утешение мне. Но я их не балую. И няня у них строгая.

– Не многие отцы умеют любить своих чад, большинство только и знают, что печься о наследстве и приданом!

– Я из немногих!

– Сколько исполнилось Рине и Пнине?

– Да ведь ты знаешь, говорил уж с ними. По одиннадцать им.

– Разрешаешь, строгий родитель, подарить девочкам что-нибудь?

– Ну, коли они тебе так полюбились – подари. Только смотри, чтоб всё одинаковое! Добрый ты человек, Акива. Нравишься мне!

На другой день Акива отправился в лавку, торгующую подарками для отпрысков богачей. Он купил две куклы, кукольные домики, кровати для кукол, одежду кукольную – все строго одинаковое, как и говорил ему Асаф. Подумал и добавил две шкатулки со сладостями, какие только в Вавилоне бывают. Затем двинулся в мануфактурное коммерческое заведение и вышел оттуда с рулоном добротной материи. Нагруженный дарами вернулся в дом.

– Здравствуйте девочки, вы меня помните? – спросил Акива, – мы на днях беседовали с вами, правда?

– Помним! Зовут тебя Акива, ты у отца в гостях!

– А вот как вас зовут, я забыл. Подскажите!

– Я – Рина!

– Я – Пнина!

– А я вам, Рина и Пнина, кое-что интересное принес. Вот, поглядите-ка, – сказал Акива и вручил каждой по огромному, завязанному желтой ленточкой свертку.

Рина и Пнина бросились развязывать ленточки. Справившись с этим самостоятельно, они принялись доставать из свертков подарки. При этом каждая ревниво глядела в руки сестры – не лучше ли у другой? Кажется, всё обошлось.

– Балуешь ты девочек, Акива! – укоризненно промолвила няня, присутствовавшая при совершении даров.

– Уж больно они хороши! А это тебе, уважаемая, сошьешь для себя красивое платье! – сказал Акива и протянул строгой воспитательнице рулон материи, – я еще долго у вас проживу, надеюсь увидеть тебя в новом наряде!

– Ах, что ты! Благодарствую! Какой ты добрый, обходительный! – промолвила зардевшаяся от удовольствия няня.

– А мне что причитается? – пошутил вошедший Асаф.

– Нам, мужчинам, причитается радоваться, коли женщинам угодили! Погляди-ка на эти счастливые лица! Видишь, сегодня у нас с тобой есть основательная причина для довольства, не так ли?

– Дамский угодник! А язык у тебя, дружище – выдающийся!

– Язык уму подчиняется. У меня ум выдающийся!

– Да, скромн ты. Говори, чего тебе надобно!

– Хорошо, перейду к делу. Дарий поручил мне и Даниэ-

лю расследовать смерть Валтасара. Из первого обрывочного разговора с Риной и Пниной я уяснил, что в твоём семействе проживала некая девица, не родня тебе. Слышал я, будто сам царь частенько посещал твой дом и встречался с упомянутой юной особой. Мой безошибочный профессиональный нюх подсказывает мне связь визитов Валтасара с его таинственной гибелью. Мне нужно задать несколько вопросов тебе, няне и девочкам.

– Спрашивай, Акива, для хорошего человека у меня всегда найдется немного правды! – ответил Асаф.

– Как звали красавицу-девицу, которая воспитывалась в этом доме? – спросил Акива официально, словно для протокола, который в те древние времена не велся за скудостью средств письма.

– Звали ее Рудабе, – опередила с ответом няня.

– Как она попала к вам?

– О, это удивительная история, – сказал Асаф, – наберись, сыщик, терпения и слушай. Соседи наши, персы, давно помышляют завоевать Вавилонию, да все им, видно, недосуг – на других фронтах сражаются. Между нами и ними пока большой войны нет, а так, сшибки малые. В одной из таких схваток наш отряд взял верх и захватил персидскую деревню. Дома и поля, разумеется, сожгли, стариков и младенцев, следуя правилам войны, поубивали, мужчин взяли в рабство, а с молодыми женщинами наши славные бойцы поступили гуманно, как принято в таких случаях.

– Издалека, однако, ты начал! Я ведь спросил о Рудабе!

– Вот я и подбираюсь к ответу. Случился на победном торжестве Валтасар. Он увидел среди пленных одну персидскую девочку красоты необычайной. Велел, пока беды с ней не случилось, увести ее подальше от солдатского праздника. Это и была Рудабе. И пришла монарху на ум прихоть, и влюбился государственный муж в нежное незрелое создание.

– Позволь перебить тебя, хозяин, – вмешалась няня, – нет в твоих словах почтения к покойному царю. Валтасар был порядочным мужчиной! Он терпеливо дождался, пока юная Рудабе подрастет, и не торопился принимать ее в свой гарем. Он опасался, что многоопытные жены растлят чистое и невинное создание. Особенно опасна, как говорят, ревнивая Сина. Слыхала я о ней.

– Кажется, я догадываюсь, почему Рудабе оказалась здесь, – бросил Акива.

– Мой дом имеет добрую славу в Вавилоне, – сказал Асаф, – нравственные устои нерушимы в стенах его. Валтасар хорошо знал мою семью, и поэтому он отдал Рудабе на воспитание именно ко мне – пусть растет вместе с Риной и Пниной под строгим надзором няни. Так решил наш монарх.

– Так чего же влюбленный Валтасар добивался? – притворно удивляясь, спросил Акива.

– Да ведь это так понятно! – снова заговорила няня, – Валтасар хотел, чтобы возлюбленная его сперва созрела, а уж тогда он возьмет ее во дворец!

– Права ты, няня, действительно порядочный мужчина, этот Валтасар, пример для многих! – заметил Акива.

– Рудабе была старше нас, а мы всё равно дружили! – вмешалась Рина.

– Она не задирала нос перед нами! – добавила Пнина.

– Рудабе выучила нас понимать по-персидски! – сказала Рина.

– А от нас она переняла вавилонские слова! – присовокупила Пнина.

– Рудабе рассказывала дочкам какие-то бесконечно длинные стихи. Называла их “Шахнаме”, – улучив паузу, вставил слово Асаф.

– Чем примечательна эта Рудабе, были у нее какие-нибудь особые приметы? – задал обязательный вопрос Акива!

– Конечно были особые приметы! – воскликнула няня.

– Какие же? – встрепенулся и приготовился запоминать Акива.

– От головы до ног она бела, как слоновая кость, – принялась перечислять няня, – стройна, как платан, два глаза – сияющие нарциссы, ресницы чернее воронова крыла...

– А волосы обыкновенные? – перебил Акива.

– Ни в коем случае! Не сомневайся даже: вдыхаешь мускус – это запах ее волос! – вдохновенно закончила няня.

– Почему Рудабе сейчас не с вами?

– Не знаем! – огорченно промолвила Рина.

– Куда-то пропала! – печально добавила Пнина.

– Рина, Пнина! Пора укладывать кукол спать! – промолвил Асаф и проводил девочек и няню в детскую комнату.

– Что ты хочешь добавить мне в конфиденциальной обстановке? – спросил Акива.

– Валтасар оказывал знаки внимания Рудабе, причем у меня дома. На мой старомодный взгляд это выглядело непристойно и вполне могло повредить безупречности моей репутации, – решительно заявил Асаф.

– Выходит, ты радовался, когда Рудабе исчезла?

– Не скрою, доволен был.

– Добрым именем своим дорожил?

– Не только. Слишком частые визиты монарха небезопасны. Тяготился я ими. Внимание владык хорошо, если не чрезмерно. Как говорится, цари пируют – подданные горюют, а меч власти длинен.

– Так куда же подевалась Рудабе? Может, Валтасар устал нести бремя воздержания и забрал юную красавицу к себе?

– Этого я не знаю. Ты же бываешь во дворце, там и спрашивай.

– Я понял, что Валтасар по уши влюбился в Рудабе. А сама-то девица любила своего покровителя?

– Рудабе была без ума от Валтасара. Поэтому я предупредил няню, мол, внуши своей старшей воспитаннице, чтобы она с девочками не болтала о своей страсти – малы еще такими вещами интересоваться!

– А известны ли тебе какие-нибудь необычности в повед-

ках Рудабе?

– Сия дева имела обыкновение переодеваться воином. Валтасар дарил ей разные военные принадлежности – то легкую рубаху кольчужную принесет, то шлем, то меч короткий. Мои глупышки глядели на нее с восторгом.

– Что означали эти маскарады?

– Валтасар, бывало, нарядит свою зазнобу солдатом и пропадают оба день-два. Потом он возвращает девицу ко мне в дом. Последний раз взял ее царь с собой, и не видали мы больше Рудабе, а монарх вернулся во дворец.

– Спасибо, за помощь, Асаф.

– Рад, если был полезен.

– Расследование только началось. Надо действовать дальше.

Акива уединился в своей комнате и предался размышлениям. Ему ясно было, что связь Валтасара и Рудабе заслуживает пристального внимания и по-прежнему перспективна: это один из возможных путей, ведущих к установлению причины смерти царя.

Свидетельства, полученные в семействе Асафа, рисовали образ Валтасара как легкомысленного сластолюбца. По своему опыту Акива знал, что над людьми такого сорта часто

нависает угроза, о которой они даже не подозревают.

“Куда, однако, подевалась Рудабе? – задавался вопросом Акива, – уж не сбежала ли обратно к своим? Стычки между вавилонянами и персами не прекращаются. Рудабе наряжалась воином, а Валтасар брал ее с собой. Зачем? Наблюдать за сражением? Могла ведь девица переметнуться к персам! Нет, это навряд ли – ведь она любила Валтасара, стало быть, не покинула бы его!”

“Необходимы новые свидетельства. Пожалуй, следует поговорить с Синой!” – подумал Акива.

V

Славный почин сулит будущий успех всему делу. Поэтому Дарий хвалил себя за то, что с самого начала расследования поддержал инициативу Даниэля – призвать на помощь Акиву. “Ниппурский дознаватель молод и в расцвете сил. Будет надежная подмога старику” – рассуждал Дарий. Он вспоминал, как во время одной из его мимолетных бесед с пророком о взошедшей в Ниппуре звезде сыска, Даниэль сказал: “Такой не подведет!”

У Даниэля же были свои резоны. “В конечном счете, – говорил себе пророк, – мне не столь важно раскрытие обстоятельств смерти Валтасара, сколь небезразлична причина, по которой царь распорядился подать пирующим бражникам священные кубки. И, конечно, имеет значение авторство красной надписи на белой стене. Чья рука водила кистью?”

“Я действую в интересах моего племени. Говоря высоким слогом, я верой мобилизованный и призванный крепить дух народный. Может статься, что вытащить на свет тайну кончины монарха окажется делом полезным для иудейства, в особенности, если дать сему подобающее толкование. Хотя,

как знать – не всё на свете надлежаще толкуемо, порой и проруха случается... Мысль – вещь хрупкая, и нельзя быть уверенным в ее завтрашнем дне. Невозможно знать, чего остерегаться. А вот правильно разъяснить мотивы осквернения храмовой посуды – это воистину необходимо грядущим поколениям!”

“Пусть мой бывший ученик пока разбираться с делом Валтасара. Я предчувствую, что послезавтрашние стражи законов и чистоты языка выразились бы следующим образом: 'Акива будет вести расследование по факту смерти вавилонского царя'. Я же не стану терять дорогое время и сосредоточу свое внимание на других фактах, а уж по мере необходимости окажу помощь Акиве”.

Как известно, пророк, иной раз, достаивался приглашением во дворец, беседовал с монархом, слушал его самохвальные речи, давал советы, играл с ним в ур. Сина вносила вклад в создание благородного имиджа мужа. Да и придворные, с которыми Даниэлю случалось переброситься словцом, тоже выражали лестное мнение о владыке. Впрочем, замечания последних нельзя было принимать слишком всерьез, ибо навряд ли высокопоставленные сановники могли высказываться в противоположном смысле.

Благочинная атмосфера царского двора создавала в сознании Даниэля вполне человеческий, хоть и небезгрешный, образ Валтасара. Теперь же, со смертью царя, народному наставнику Даниэлю следовало пристальнее присмотреться к былым деяниям покойного и его помыслам. Это требовалось, дабы оставить будущим поколениям объективный, то есть злотворный для иудеев образ монарха.

Пророку, в его писаниях, важно было создать доказательный контекст собственной непредубежденности. Хороший прием в достижении такой цели – сбалансировать лестные отзывы весомыми критическими оценками. Поэтому Даниэль принялся искать человека, близко знавшего царя и неодобрительно настроенного к венценосцу. Кто мог исполнить роль противовеса?

Даниэль вспомнил об одном из советников покойного царя. Во дворце говорили, что мнения этого придворного смелы и независимы. Человека звали Шадрах. Сей преклонных лет евнух имел богатый опыт царедворца и отличался глубоким умом – так, по крайней мере, утверждали при дворе. Сановник служил еще у Навуходоносора, и был известен своим критическим отношением к Валтасару.

“Мне необходимо познакомиться с Шадрахом, располо-

жить евнуха к себе и вызвать его на доверительную беседу!»
– сказал себе Даниэль.

– Мир тебе, мудрый Шадрах! – приветствовал Даниэль своего визави.

– Мир тебе, мудрый иудей! – ответил Шадрах, – что привело тебя ко мне?

– Дарий поручил мне и Акиве, дознавателю из Ниппура, расследовать обстоятельства смерти Валтасара. С разрешения Дария я могу обращаться к подданным Вавилонии для получения свидетельств. Меня привели к тебе слухи о твоём выдающемся уме и незаурядной осведомленности.

– Я обязан исполнять указ Дария. Задавай вопросы, Даниэль.

– Я думаю, Шадрах, дело не только в исполнении указа. Мы с тобою люди разных биографий, но одного возраста. Это обстоятельство сближает нас. Кроме того, замечу, преклонные лета побуждают отвергать всякого рода вымыслы и держаться правды.

– Твой намек мне понятен. Я не собираюсь лгать.

– Я этого и не предполагал! Добавлю также, что не только ты мне, но и я могу быть тебе полезен!

– Весьма любопытно, однако, чем может быть полезен иудейский пророк советнику вавилонского царя?

– Поясняю. Если полученные от тебя сведения помогут исполнению моей миссии, то имя твое будет записано в моем пророчестве или войдет в легенды иудейского народа. Иными словами, имя Шадрах увековечится!

– Я вижу, Даниэль, тебе есть чем платить за правду. Спрашивай, отвечу, если смогу.

– Как ты попал во дворец, Шадрах?

– Когда я был молод, меня купил Навуходоносор. Я начал службу во дворце со скромной должности евнуха царского гарема. Навуходоносор – воистину великий монарх – заметил мой природный ум и произвел меня в старшие евнухи. Я преуспел на этой должности не менее, чем на предыдущей, и владыка назначил меня главным евнухом сераля, и, одновременно, хранителем нравственных устоев Вавилона.

– Меня впечатляет твой послушной список, Шадрах. Однако на этом твоя придворная карьера не закончилась, не так ли?

– Разумеется, не закончилась. Этому способствовали два обстоятельства. Первое. Навуходоносор состарился, романтические фантазии перестали волновать его душу, и надобность в содержании дворцового гарема отпала. Второе. Моя мудрость за годы беспорочной службы умножилась, и царь сделал меня своим визирем.

– Не могу не отметить проницательность Навуходоносора. Как великолепно он разбирался в людях!

– Безусловно. Выдающийся был монарх! Очень жаль, что

сын так и не унаследовал отцовского величия.

– Кстати, о сыне. Как ты оказался среди советников Валтасара?

– Увлеченный пирами и развратом, Валтасар, занявши трон, не стал вникать в достоинства и иные свойства советников Навуходоносора, и, как есть, без изменений, взял себе весь отцовский дворцовый аппарат.

– Шадрах, ты служил сперва у Навуходоносора, потом у Валтасара. Монархи разные, а ты неизменно в почете. И у Дария ты не последний. Как тебе это удается?

– Я полагаю, Даниэль, что сей вопрос выходит за пределы твоего расследования. Тем не менее замечу, что я весьма почитал Навуходоносора, но был не слишком большим поклонником Валтасара. Мое критическое отношение к сыну следует из некоторых моих замечаний, кои не миновали твоих ушей. Я честен и прям. Своих мнений я не скрываю и смело и во всеуслышание провозглашаю их.

– Мог бы ты подробнее сообщить мне о непотребных поступках Валтасара?

– Возможно, мы поговорим об этом в следующий раз, когда лучше узнаем друг друга.

– Я обратил внимание: невзирая на личные предпочтения, ты всегда был верным слугой царю. Как видно, рожден ты хватом!

– Лесть приятна. Однако не лучше ли нам перейти к сути?

– Ты прав. Меня интересует твое мнение о надписи на сте-

не.

– Что именно ты имеешь в виду, Даниэль? Ведь ни я, и ни кто другой из придворной интеллектуальной элиты не сумел прочесть таинственные знаки. В драматический день злосчастного пира, Валтасар, тогда еще живой, привлек лучшие умы царства к расшифрованию надписи. К сожалению, всё предпринятое оказалось напрасным, не спас даже примененный нами мозговой штурм проблемы. Только ты, пророк иудейский, сумел разобрать непонятные слова и узреть в них угрозу персов завоевать Вавилон. Только ты, повторяю, разгадал загадку. Так что же может добавить тебе мое скромное мнение?

– Я не уверен, Шадрах, что вполне понимаю твои ученые выражения. Я спрошу попросту: кто, по-твоему, задумал деяние, столь глубоко впечатлившее Валтасара, и чьей рукой оно было осуществлено?

– О, Даниэль! Бог твоего народа велик и всемогущ. Ты – пророк Его. Надо ли тебе интересоваться суждением язычника, пусть даже наделенного мудростью?

– Ты прав в том, Шадрах, что иудейская вера возносит гений приверженного ей народа над умственными способностями языческих племен. Однако, не будем забывать простую вещь: две головы лучше одной. Посему, соблаговоли ответить на мой вопрос.

– Хорошо, попытаюсь ответить. Но я был бы рад услышать вперед твое мнение, а потом уж я выскажусь сам.

– Ох и хитер же ты, евнух царя вавилонского! Ну, да ладно, я согласен. Думается мне, что взволновать владыку вознамерился Господь. И тогда Он послал своего слугу, ангела небесного, осуществить замысел. Что ты скажешь на это?

– Звучит в высшей степени правдоподобно. Да, именно так и было, как ты предположил: Бог иудейский замыслил, а ангел осуществил! Я уверен, на ваших небесах нет недостатка в инструментах для письма.

– Кисти и краски, безусловно, имеются. Впрочем, это частность. Мне же нравится твое представление об изобилии на наших небесах инструментов для письма. Усматриваю в этом правильное обобщение. Действительно: мой Бог, лучшие Его пророки, Его народ имеют не знающую себе равных склонность к словесности.

– Ты, кажется, немного отвлекся, Даниэль. Если я правильно понял, ты одобряешь мою поддержку твоей версии?

– Безусловно, одобряю! Сходство наших взглядов служит неплохим доказательством моей правоты. Идею Божественно-ангельского происхождения надписи я вставлю в свое ближайшее пророчество.

– Не забудь упомянуть имя скромного язычника!

– Обещаю, Шадрах!

– Ты нравишься, мне, Даниэль. Мне приятно наше знакомство, я рад умному собеседнику – явление не частое в высших эшелонах власти!

– Взаимно, дорогой Шадрах! Моя миссия далеко не за-

кончена. Я надеюсь, мы с тобою еще встретимся, и ты сообщишь мне важные для расследования вещи.

– Располагай мною!

Обдумывая состоявшийся разговор, Даниэль с удовлетворением рассудил, что завязавшиеся с Шадрахом отношения взаимопонимания и, отчасти, симпатии, еще пригодятся ему или Акиве. “Этот престарелый евнух прекрасно осведомлен о событиях, инцидентах и сплетнях, имеющих место во дворце. Вездесущий, он вполне может снабдить нашу следственную группу ценными сведениями! Впрочем, нельзя слишком доверяться Шадраху и терять бдительность: придворный народец научен себя в узде держать, а вот слова своего не держит!” – подумал Даниэль.

Даниэль не удовлетворился полученной у Шадраха поддержкой своего умозаключения о Божественно-ангельском происхождении надписи. Как добросовестный следователь, он решил, что дело нуждается в проверке. “Версия отличная, – рассуждал Даниэль, – она прекрасно вольется в мои письма. Однако я обязан удостовериться в ее истинности. При случае доберусь до ангела, дабы услышать подтверждение из первых уст!”

Что касается включения имени Шадраха в Священное Писание, то Даниэль пока не пришел к окончательному решению, но склонялся к тому, чтобы предоставить распространение славы о язычнике фольклорным произведениям.

Далее Даниэль принялся обмозговывать причину, по которой Валтасар распорядился доставить в пиршественный зал священные кубки и пить из них. “Что побудило царя принять столь неожиданное решение? Ведь отец его, гроза востока Навуходоносор, трепетно относился к вывезенным из Храма предметам, верил в их святость и не позволял употреблять все!” – недоумевал пророк.

Результатом напряженных размышлений Даниэля стала нетривиальная мысль: “А вдруг Валтасар знал о том, что пленение иудеев в Вавилоне должно было, по слову Господа, продолжаться ровно семьдесят лет, а по истечении этого срока пленникам надлежало вновь очутиться в Иерусалиме?”

Неординарная догадка побудила Даниэля предположить возможный ход рассуждений осведомленного Валтасара: “Истекли семьдесят лет, а иудеи и поныне здесь, в нашем Вавилоне. Они не переселились в свой Иерусалим. То есть, иудейский Бог был не прав. А коли он ошибался в одном, то ошибался во всем! Например, сосуды из Храма, которые Он и Его служители называли священными, вовсе не таковы!

Стало быть, кубки эти – самая обыкновенная посуда, разве что из золота! Значит, и нам, простым язычникам, можно пить вино из них!”

С гипотетическими рассуждениями Валтасара удачно согласовывался весьма гнусный инцидент: царь и его охмелевшие гости совершенно распоясались на пиру, хулили иудейского Бога и превозносили своих языческих божеств, не будь рядом помянуты. Правда, Даниэль сам не слышал слов хулы на Господа, так как был призван во дворец лишь по окончании попойки. Но он обязательно опросит свидетелей, и они, как ожидается, непременно подтвердят факт поношения.

“Недостойное поведение царя и его гостей прочно сцепляется с моей догадкой о том, что надпись с угрозой покорения Вавилона сделана по воле небес. И в самом деле: Господь не простил Валтасару ни брань в свой адрес, ни осквернение кубков, и решил жестоко, но справедливо наказать богохульника!” – размышлял Даниэль.

“Как честный дознаватель, я обязан убедиться в истинности своей версии о причине, побудившей Валтасара к использованию священных кубков – действительно ли царь ошибся в подсчете времени?”

“Однако не рано ли я торжествую? Если вдуматься, то

версия эта не слишком-то и хороша для моего пророчества! Ведь в основе ее лежит всего-навсего простительная ошибка, а вовсе не злонамерение, коего и вправе ожидать иудеи от их утеснителя. Короче, необходима скрупулезная проверка!”

VI

Литература сыска по праву занимает достойное место в изящной словесности. Возможно даже, самое почетное место. Благодарный читатель целиком отдается на волю книжных бурь. Знать, бойким пером написана книга, и в той голове она родилась, что не любит шутить. Робко постораниваются другие жанры и дают дорогу детективу!

Поглощая страницу за страницей, читатель с азартом норовит догадаться, кто из героев романа совершил преступление. Велика бывает радость книгочeya, если сделает он это, не доходя до последней страницы. Ну, а коли не удастся ему такое, тоже не беда – время потрачено не зря, ведь говорят же, мол, чтение – лучшее учение.

Сочинителю, конечно, приходится нелегко. Не так-то просто придумать историю с преступлением и при этом столь искусно расположить действие, чтобы книгоед, даже самый искушенный в детективном жанре, не догадался, не дочитав книгу до конца, кто на самом деле преступник.

И все же у читателя есть основания завидовать мастеру слова. Придумывая, как увлечь и обмануть любителя книги,

писатель напрягает воображение до предела возможностей и заставляет трудиться свой мозг в пиковом режиме.

Установлено наукой, что мыслительная деятельность с наивысшей нагрузкой уберегает от преждевременного упадка интеллектуальных сил. Посему автор этих строк берет на себя смелость широко рекомендовать сочинение детективных историй в качестве средства предупреждения нежелательных ментальных возрастных изменений.

Взглянем на дело широко: какие причины толкают на преступление? Разумеется, не только желание снабдить пишущую и читающую публику материалом для еще одного сюжета. Многие детективные романы не удаются как раз потому, что преступник ничем не обязан интриге, кроме необходимости совершить злодеяние.

Перефразируя поэта, скажем: “Для преступленья есть такие поводы: любовь, корысть, иные доводы”. Иных доводов бесконечно много, но фаворитами сыскных историй являются именно любовь и корысть.

Теперь сузим наш взгляд до конкретного дела о смерти Валтасара. Логично предположить, что гибель царя имела насильственную природу, иными словами, было совершено убийство. Не зря же Дарий поручил расследование дознава-

телям преступлений!

Мотив обогащения кажется сомнительным, во всяком случае, если он и имел место, то навряд ли был главным. Валтасар – высшая имперская фигура. С точки зрения преступника, ограбление монарха совершенно бессмысленно и наверняка губительно, ибо это есть покушение на слишком многое для простого смертного. Ведь казна, абсолютная власть, устои – скорее не личные, а общегосударственные вещи, и они могут быть достоянием только венценосца. Впрочем, отнять личные вещи можно и у царя, если последний пренебрег охраной своей персоны.

Из сказанного явствует, что смерть монарха скорее всего связана с неким романтическим приключением. Именно так и подумал опытный дознаватель и душевед Акива. Поэтому ниппурский профессионал принялся энергично раскапывать любовную историю Валтасара и Рудабе.

– Мир тебе, Сина, – произнес Акива проникновенно печальным голосом.

– Мир тебе, иудей-дознаватель, – тихо и скорбно ответила Сина.

– Мне поручено расследовать...

– Можешь не продолжать, я все знаю.

– Прими мои соболезнования, Сина. Я выражаю свое глубочайшее сочувствие и воистину сострадаю тебе. Потерять супруга – тяжелое испытание. Я знаю это на примере приютившего меня Асафа. Вдовец не перестает сокрушаться, но твое горе острее, ибо оно свежо.

– Спасибо тебе на добром слове. Жалею Асафа. Среди вас, иудейских мужчин, встречаются любящие мужья.

– Пока оставим обобщения. Ты, кажется, знаешь Асафа? Каким образом?

– Как не знать мне этого честного иудея! Прекрасные дочки, кристальная репутация, чистые помыслы!

– Ты имеешь понятие о нем благодаря дочкам, репутации и помыслам?

– О, если бы только это! В его доме жила молодая персиянка, Рудабе ее имя. Благодаря ей знаю я Асафа.

– О Рудабе я и хочу говорить с тобой. Чем примечательна для тебя эта особа?

– Чем примечательна? Воспоминания ранят меня! Ведь она приглянулась Валтасару! Слышала я, будто некий иудейский праведник заключил уговор с глазами своими не глядеть на девиц. Вот она, истинная победа духа над телом! Увы, не таков Валтасар. Мой дорогой супруг не был верен мне. О, как я страдала!

– Ревность?

– Еще бы! Только строгие нравы в доме Асафа удержали

Валтасара от грубой телесной измены. Но душа его тянулась к развратной девственнице. Ах, какие муки, какие страшные сердечные муки приняла я!

– Неужели Рудабе гордилась своею девственностью? И что такое развратная девственница? Звучит неожиданно.

– Не лови на слове, иудей! Ты должен понимать терзания женской души. Проклятая персиянка! Да, Валтасар был человеком легкомысленным. Он имел склонность ко многим женам в гареме. Я прощала ему и, кажется, понимала его – ведь мужчины так слабы! До появления Рудабе я упивалась бесконечным счастьем, ибо в сердце мужа я была единственной! И вот, случилась беда...

– Расскажи подробнее о случившейся беде.

– Персидская девчонка попала к нам в плен. Как только Валтасар увидал Рудабе, стал сохнуть по ней. Определил ее в дом к Асафу – дескать, пусть созреет сперва, а уж потом я ею овладею. Короче, проклятая врагиня вытеснила меня из сердца милого супруга. Вот какая беда случилась. Понял теперь?

– Трудно не понять. Ты говоришь о Рудабе в прошлом времени. Почему?

– А как мне говорить о ней? Сгинул Валтасар, стало быть, и Рудабе для меня больше не существует. Только ненависть к ней кипит по-прежнему.

– А известно ли тебе, что случилось с нею? Куда исчезла она?

– Конечно, известно! Сумасшедшая эта потаскушка обо-

жала наряжаться воином, а Валтасар брал ее с собой на стычки с персами. Слава богам, одну из битв муженек мой проиграл, и солдат с высокой грудью, белой кожей и длинными волосами попал в плен.

– А дальше?

– А дальше ко мне вернулось счастье любимой жены, потому как исчезла соперница с глаз моих и мужа! Похоже, Валтасар успокоился. Я поняла это по его ожившим ласкам. Хотя, как знать, разве разберешь вас, мужчин?

– Так какова же судьба Рудабе? Мертва она? Или кому-нибудь из соотечественников дарит свою любовь?

– Какое мне дело? Главное – нет ее! Думаю, однако, что жива она. Воины-то, что вавилоняне, что персы – все мужики, и не поднимут руку на смазливую девку.

– Как думаешь, Сина, пока жив был Валтасар, а Рудабе пребывала в персидском плену, была ли меж ними какая связь?

– Надеюсь, не было. Ведь я уж сказала тебе про ожившие ласки. Нечего мне больше добавить. Смерть унесла моего Валтасара – о чем еще говорить? Чего ты ковыряешь да ковыряешь? Все вы, иудеи, таковы. Выведай у других, коли надо тебе – Дарий-то вас с Даниэлем на это и назначил. А моей помощи больше не ищи.

– Благодарю тебя, Сина.

– Прощай.

Теперь Акиве стало совершенно ясно, что Рудабе попала в плен к персам. “По существу, она вернулась к своим, – размышлял Акива, – и, к сожалению, Сина не ведает о дальнейшей судьбе возлюбленной Валтасара”.

“На вопрос, существовала ли связь у Валтасара с плененной Рудабе, я ответа от Сины не получил. Рассуждения о вернувшихся ласках всерьез принимать нельзя. Валтасар был хитер и легко мог ввести в заблуждение женщину. Вполне возможно, он так и сделал, коли был у него к этому интерес”.

“Мне нужно знать, что случилось с Рудабе после пленения. А, главное, продолжалось ли любовное похождение Валтасара? К кому обратиться за выяснением сего? Достоверный ответ я могу получить в лагере персов. Но вавилонянину небезопасно появляться там без высочайшей санкции. Не даром говорят, мол, в Персии все рабы, кроме царя. Не погубили бы меня эти рабы! Стало быть, я должен говорить с самодержцем. Надеюсь, монарх не откажет мне в аудиенции. Но вправе ли я предстать перед Киром без разрешения руководителя следственной группы, то бишь Даниэля? Пожалуй, решусь на нарушение субординации”.

– Мир тебе, великий владыка персов, – несколько робея, произнес Акива, удостоенный приема у самого Кира.

– Мир тебе, иудей, – снисходительно ответил Кир, – прежде, чем принять тебя, я кое-что выяснил о твоей особе. Я ценю твой талант дознавателя, и меня, конечно, развлечет разговор с умным собеседником, хотя бы и был он уроженцем подозрительного и скользкого племени.

– О, великий царь, я приложу усилия к тому, чтобы ты переменял свое мнение о моем народе в лучшую сторону.

– Твои усилия, если искренни они, найдут отклик в моем монаршем сердце. Помни, подвластная мне империя – страна абсолютной свободы, и всякая, согласная с моей волей инициатива, поощряется властями и пышно расцветает.

– Рад буду угодить тебе, Кир.

– Не исключаю возможность в будущем воспользоваться твоим искусством. К большому сожалению, в моей образцовой монархии имеются отдельные недостатки криминального свойства. Твои мастерство и опыт могут пригодиться казне и трону.

– Я польщен доверием, царь. Не скрываю своих самых возвышенных чувств – сиречь любви к твоей власти!

– Ты нравишься мне, умный иудей! Твоя речь полна благородных порывов. Говори, что привело тебя в мой дворец.

– По поручению известного тебе Дария, я, вместе с пророком Даниэлем, расследую дело о смерти Валтасара. Мы отчасти продвинулись в разгадке тайны, но впереди нас еще ожидают немалые труды. Если ты милостиво согласишься отвечать мне, то я задам тебе несколько простых вопросов.

– Очень возможно, что я соблаговолю отвечать тебе. Однако прежде скажи мне, драгоценный, почему ты явился один, без Даниэля. Я много наслышан о мудрости сего иудея, и желал бы познакомиться с ним.

– В настоящий момент Даниэль занят изысканиями, смежными с делом о Валтасаре. Возделывает, так сказать, соседнюю ниву. Даниэль просил меня встретиться и побеседовать с тобою.

– Экий гордец, однако, этот ваш занятый изысканиями пророк – не пожелал говорить с Киром! Хорошо, задавай свои вопросы, иудей!

– Известна ли тебе дева по имени Рудабе?

– Да, известна, – ответил Кир, насторожившись.

– А верно ли говорят, что Валтасар любил Рудабе?

– Верно говорят, – вздохнул Кир.

– У меня есть сведения, впрочем, сомнительные, что Рудабе имела обыкновение сопровождать Валтасара в боях вавилонцев против твоих доблестных воинов. Так ли это?

– Это так!

– Из последней схватки Рудабе не вернулась. Она убита? Взята в плен? Желает ли ты сообщить мне что-нибудь о ее судьбе?

– Повторяю, ты нравишься мне, и поэтому я приоткрою пред тобою завесу. Мои воины разгромили банду Валтасара и пленили прекрасную Рудабе.

– Не сочти мою смелость за дерзость, Кир, но мне пока-

залось, что вспыхнул взгляд очей твоих, когда назвал ты девицу прекрасной.

– Надеюсь, ты столь же чист, сколь наблюдателен. Открою тебе секрет. Я горячо полюбил Рудабе. Слава богам, я успел вовремя отнять ее у сластолюбивой солдатни и поместил деву у себя во дворце.

– Она находится в твоём гареме?

– Не совсем в гареме. До поры до времени Рудабе пребывает в его карантинном отделении.

– Поясни, что это значит, – удивился Акива.

– Видишь ли, она была с распутным Валтасаром... Надо подождать...

– В Вавилоне утверждают, мол, она по-прежнему девственница.

– Да-да, вавилоняне утверждают...

– Ты сказал мне, Кир, что Валтасар был без ума от Рудабе. А известно ли тебе, отвечала ли Рудабе взаимностью Валтасару?

– О, боги! Боюсь, что да, – драматическим голосом ответил Кир, и бесконечная грусть разлилась по лицу царя.

– Но ведь уже прошло изрядно времени с того дня, как ты поместил Рудабе в своем дворце. Видя твое восхищение ею, она вполне могла забыть прежние незрелые чувства к Валтасару и полюбить тебя!

– Не замечаю признаков, – глухо, почти надрывно, произнес Кир, – я надеюсь... Мечты, чаяния...

– Всем сердцем я с тобою. Да исполняться твои желания, великий Кир!

– Ты глубокий, чувствительный человек, хоть и иудей!

– Благодарю, тебя, Кир. Твои слова – мне в помощь.

– Я не все открыл тебе, но на сегодня довольно. Обещаю быть полезным.

– Желаю дней радости сердцу твоему, империи твоей желаю золотого века!

Вернувшись в свое временное жилище, Акива не застал дома Асафа. “Хозяин ушел по делам”, – отрапортовала няня. “Новое платье готово?” – спросил Акива. “Шью!” – последовал бодрый ответ.

Девочки радостно выбежали навстречу постояльцу. Ниппурский сыщик погладил по голове Рину, нежно ущипнул за щеку Пнину и скрылся в тишине своей комнаты на предмет деловых размышлений.

“Итак, не вызывает ни малейшего сомнения, – сказал себе Акива, – что Рудабе отвечала и поныне отвечает взаимностью на любовь Валтасара. Уж если пресыщенный женской лаской Кир страдает от ревности, стало быть, нежные чувства Рудаб к Валтасару, сопернику Кира – это очевидный

факт. Причем, и это вполне возможно, сей факт может иметь интересные для нашего с Даниэлем дела последствия!”

“Чем чревато заточение любящей Рудабе в карантинном отделении гарема? Девица должна вожделеть освобождения – это раз, и соединения с Валтасаром – это два! Не исключено, что влюбленная дева могла решиться на некую безумную авантюру. Но на какую? А что придумал хитроумный Кир? Вот эти орешки мне и предстоит колоть!”

“Два монарха влюблены в одну красавицу. Трудно ожидать открытого единоборства витязей за сердце возлюбленной. Скорее уж случится большая война меж двумя империями. Не потому ли Даниэль узрел в надписи на стене угрозу покорения Вавилона персами?”

“Положим, единоборство исключено. Война – дело не скорое, времени на ее подготовку требуется больше, чем на завоевание женской любви. Что остается? Кир вполне мог замыслить уничтожение соперника под видом специальной полувоенной операции. Наверняка персидский монарх желал скорой смерти монарху вавилонскому! Однако, всё это пока лишь мои предположения. Буду проверять”.

“Как хорошо, что я сумел расположить к себе царя Персии! Я так понравился этому самодовольному венценосцу,

что он готов продолжать откровенничать со мной. Как я умело обхожусь с людьми, однако! Снова навещу Кира. И пора бы обсудить наши общие с Даниэлем дела”.

VII

Дарий не торопил Даниэля и Акиву с расследованием. Порой, терпеливостью добьешься больше, чем строгостью. К тому же торопящийся рискует показаться некомпетентным. Не исключено также, что исполняющий обязанности царя просто-напросто забыл о поставленной подданным задаче.

Повестка дня великой империи изобилует бесчисленными тактическими головоломками, нуждающимися в оперативных ответах. Кроме того, необходима постоянная корректировка с привязкой к актуальности предначертаний государственной стратегии. График работы верховного руководителя империи уплотнен до наивысшего предела и тщательно расписан. Поэтому забыть какое-либо дело, пусть даже оно первостепенной важности – объяснимо, простительно, а то и полезно.

Терпение – редкий зверь, не в каждом лесу водится. Дарий был наделен умением ждать. Его практичная и всепонимающая политика терпела медленность, ибо не терпела спешки задача детективов. Расследование требовало упорства и основательности. “Не прекратим исканья!” – подмигнув Акиве, сказал Даниэль. “Отделались от суеты!” – добавил Акива,

вспомнив свой горячий труд в Ниппуре.

Сотворив ежедневную молитву и высказав ежедневные наставительные замечания жене Авишаг, пророк вышел в сад, присмотрел себе затененное место под деревом и растянулся на траве, дабы поразмыслить о ходе расследования.

“На сегодняшний день в моем активе две неподтвержденных догадки, – рассуждал Даниэль, – во-первых, я предположил, что надпись на стене сделана рукою ангела по указанию Господа. Во-вторых, я выстроил логичную версию о причине, побудившей Валтасара пить из храмовых кубков – якобы царь запутался в расчете времени пленения иудеев”.

“В том, что касается Божественного происхождения надписи, я чрезвычайно удовлетворен поддержкой Шадраха. Но, как я уже говорил сам себе, необходимо удостовериться в правильности сего предположения. Подлинный дознаватель не оставляет на произвол фактов даже самую блестящую догадку. Готовься, ангел на небесах: тебя ожидает откровенная беседа со мной!”

“Следующий мой шаг – проверить, действительно ли Валтасар, зная о решении Всевышнего установить срок плене-

ния нашего народа в семьдесят лет, ошибся в расчете. Как это выяснить? Разумеется, лучше всего задать вопрос хитроумному Шадраху. Он истинный мудрец, коли принял мою гипотезу небесной причины появления красных строк на белой стене”.

“Мысленно я славу по нотам пою Шадраху. Сей евнух – прекрасный пример того, как недостаток телесный порождает достоинство духовное. Нехватка и избыток, лишение и обретение, отсутствие и наличие – всё уместается в теле и в сердце одного человека! Итак, я иду к Шадраху, чтобы вынести на его суд рожденную мною версию об арифметической ошибке Валтасара!”

Воспользовавшись своим правом беспрепятственного доступа на территорию царского дворца, Даниэль смело подошел к роскошным воротам, приветливо кивнул стражникам и без задержки со стороны охраны проследовал в здание, где помещались рабочие апартаменты визирей монарха.

– Прошу доложить , о моем прибытии! – обратился Даниэль к личному стражнику Шадраха, застывшему у двери кабинета.

– Не уверен, что Шадрах примет тебя, – ответил охран-

ник.

– Я его друг!

– У твоего друга дама!

– В каком смысле? – изумился Даниэль.

– В прямом.

– Кто такая?

– Увидишь, если будешь принят.

– Докладывай и не рассуждай!

Согласно уставу, стражник вызвал себе смену и, по прибытии заменяющего часового внутренней охраны империи, скрылся за тяжелой дверью, украшенной золоченым государственным гербом.

– Шадрах приглашает тебя, – торжественно заявил стражник, вернувшись из апартаментов визиря.

– Приветствую тебя, Шадрах! – с оттенком фамильярности проговорил Даниэль и боковым зрением увидел совсем юную и незнакомую ему девицу, скромно сидевшую на возвышении из трех подушек, уложенных на ковре одна на другую.

– Рад тебе, иудейский пророк! – ответил Шадрах.

– Я не помешал, случаем?

– Да простит иудейский Бог своего пророка, если какая греховная мысль промелькнула в голове его!

– Шучу я, Шадрах!

– Шутишь? Знать, ты в добром расположении духа. Разрешите представить тебе сию юницу – Вашти, дочь покойного

Валтасара. Сиротка пришла ко мне поплакать о своем горе. Не конфузья, милая Вашти, этот человек не опасен, он совершенно безобидный старец, вроде меня.

– Я сочувствую тебе, Вашти, в безвременной утрате родителя, – произнес Даниэль, с трудом выдавив из себя скупые слова соболезнования.

– Благодарствую, – прозвучал девичий голосок.

Тут, однако, Даниэль насторожился. Услыхав, как зовут деву, он изрядно взволновался – не ослышался ли? “Вашти, Вашти – может, клик грядущего сие? Что гласит он?” – лихорадочно думал пророк.

Даниэль прежде не знал, что у Валтасара есть дочь Вашти. Имя юницы заставило пророка задуматься, возбудило чуткий к неизбежным оказиям ум.

“Вашти, Вашти – что подсказывает мне слово это? – размышлял Даниэль, – о, кажется до меня доносится голос будущего, предвозвестие скорых событий. Ну, конечно! Судьба Вашти сплетется с судьбою моего народа. Жаль, голос будущего невнятен, едва слышен. Но я уверен: мудрецы после меня впишут в Святые Книги, как Вашти, то ли добром, то ли злом, повстречается с иудеями на их тернистом пути...”

– О чем ты задумался, Даниэль? – спросил Шадрах.

– Не о чем, а о ком. О Вашти я думаю, – сказал Даниэль и слабо улыбнулся юной особе, – умом своим пророческим

чую – жребий скрестит жизнь твоей гостью с грозными перипетиями народа моего. Да, именно скрестит. Скрещенье рук, скрещенье ног, судьбы скрещенье!

– Твое предвидение, Даниэль, не обманывает тебя, – подержал Шадрах, – что уж говорить о конечностях, разве только в них дело? Наша Вашти вся целиком, всей судьбою своею войдет в вашу легендарную историю!

– Ты тоже наделен даром пророчества? – задал ревнивый вопрос Даниэль.

– Я не пророк, но здравомыслием не обижен. Совет мудрых визирей предполагает отдать Вашти в жены персидскому монарху.

– А дева согласна? – уточнил Даниэль.

– Ты не против, Вашти? – обратился Шадрах к своей гостье.

– Я не против. Я слыхала, в гареме у персидского владыки нашей сестре живетя совсем недурно! – стыдливо потупив взгляд, проговорила Вашти.

– Мы надеемся, что задуманный нами политико-романтический маневр убережет Вавилонию от персидского разгрома, о котором ты, Даниэль, узнал из надписи на стене! – сказал Шадрах, – ну, а если сей ловкий шаг не спасет нашу империю, и персы все-таки завоюют Вавилон, то этот жизненный поворот всенепременно отразится и на вас, иудеях. И тогда очень даже возможно, что Вашти сыграет некую заметную роль в иудейской истории. Вашти, ты согласна сыграть

некую заметную роль в иудейской истории?

– Я согласна! Ведь тогда мое имя будет увековечено в писаниях! Я не ошибаюсь, Даниэль? Ты обещаешь?

– Ты очень умна, юная дева! – дал уклончивый ответ Даниэль.

– А теперь поведай, друг-иудей, с каким делом ты явился ко мне?

– Я с благодарностью вспоминаю, Шадрах, как ты прозорливо одобрил мое предположение о Божественно-ангельском происхождении надписи на стене. Я не имею слов, чтоб выразить мою признательность...

– Это ты-то, велеречивый пророк, не имеешь слов? Оставь куртуазные предисловия и говори о деле!

– Согласен. Слушай. Я самостоятельно пришел к догадке о причине, по которой Валтасар распорядился подать на пиршественный стол кубки из иерусалимского храма. Теперь я хочу выслушать от тебя слова подтверждения или опровержения. Ежели ты согласишься с моею гипотезой, то она, безусловно, верна!

– Добавлю: если не соглашусь, то она безусловно ошибочна! Излагай, Даниэль, а мы послушаем, правда, Вашти?

– Правда, Шадрах! – согласно пискнула Вашти.

– Дело в том, – начал Даниэль, – что Господь определил продолжительность пленения иудеев в Вавилоне в семьдесят лет. Я предположил следующее: Валтасар знал об этом. Далее он высчитал, что семьдесят лет минули, а, стало быть,

иудеи должны, Божьей волей, очутиться снова в своем Иерусалиме. Но поскольку этого не произошло, значит, как подумал монарх, слова Господа не имеют силы. Коли Бог был не прав единожды, то Он не прав всегда – так вполне мог заключить твой покойный царь. Поэтому и кубки Его вовсе не священные, и язычникам вавилонянам можно пить из них! Иными словами, Валтасар попросту ошибся в подсчете времени, и посему он продолжал совершать ошибки. Каковы твои мысли о моем предположении, Шадрах?

– Сперва ответь мне на простой вопрос, Даниэль, – сказал Шадрах, – встречаясь с Валтасаром, ты посвящал его в замыслы Господа, или только играл с ним в ур?

– Я не только играл с покойным в ур, но подавал ему ценные советы об устройстве жизни в государстве. Однако никогда не говорил ему о семидесяти годах пленения.

Тут произошло нечто такое, чего Даниэль никак не ожидал.

Вашти, сидевшая на горе из трех подушек, отвернулась к стене, закрыла рот ладонью, плечи ее затряслись, и раздался характерный приглушенный звук. Даниэлю стало абсолютно ясно: девица пытается скрыть смех.

Лицо привыкшего владеть своими чувствами Шадраха приняло преувеличенно серьезное выражение, но глаза евнуха смеялись. Наконец, ему удалось подавить неуместную

веселость, и он приготовился слушать продолжение речей Даниэля.

– Я, кажется, не сказал ничего смешного! Прошу объяснить непонятное мне оживление, – с обидой произнес Даниэль!

– Дорогой друг, – ответил Шадрах, – если ты никогда не говорил Валтасару об установлении твоим Богом семидесяти лет пленения, то откуда же он мог взять это! Он никогда не встречался ни с одним иудеем, кроме тебя. Никто из наших тоже не знал сего. Поэтому некому было просветить Валтасара!

– Никто из ваших не знал сего, говоришь? А почему тогда Вашти хихикает?

– Девчонка, ты почему хихикаешь? – деланно строго спросил Шадрах.

– Батюшка не мог ошибиться в подсчете лет! – едва сдерживая приступ смеха, проговорила девица.

– Почему ты так думаешь, Вашти? – спросил Даниэль.

– Батюшка был неграмотный, он не умел считать! Ни чтению, ни письму, ни счету он не учился. А я набралась грамоты у Шадраха, – сказала Вашти и вновь прыснула.

– Выходит, Даниэль, твоя догадка ошибочна! – сделал вывод Шадрах.

– Получается, что ошибочна, – уныло признал Даниэль.

– Стоит ли унывать, иудей? Ваши с Акивой умные головы изобретут новую гипотезу. Не сомневаюсь!

– И я не сомневаюсь. Пойду, пожалуй, домой, обдумаю дело.

– Приходи еще, Даниэль, я всегда рад тебе!

Даниэль не был раздосадован неудачей. Собственно говоря, он и не считал неудачей опровержение его версии из уст Шадраха и Вашти. С самого начала ему казалось, что мнимая ошибка Валтасара в расчете есть слишком безобидная причина для надругательства над священными кубками.

“В этой версии больше оправдания, чем обвинения, – сказал себе Даниэль, – где же злонамерение против моего народа? Пожалуй, это даже хорошо, что моя догадка не подтвердилась! Я должен искать иную причину!”

“Оскорбление. Злой умысел. Желание унижить. Намерение причинить вред. Вознести себя до высоты избранничества. Да мало ли, что еще? Верно, верно и еще раз верно! Царь вавилонский хотел осквернить наши святыни – вот и всё! Боже, как, оказывается, просто! Причина-то лежит на ладони!”

“Однако, как добросовестный дознаватель, я обязан проверить и эту догадку. При случае, спрошу у Вашти. Может,

что-нибудь прояснит или добавит роковая девица!”

VIII

Ученики пророка Даниэля обратили внимание на определенную рассеянность, которую в последнее время стал проявлять их наставник. Наиболее наблюдательные из школяров отмечали преувеличенную задумчивость учителя. “Нам кажется, – шептались они меж собою, – Даниэль чрезмерно углублен в свои мысли, но что творится в голове его – мы не знаем!” Им хотелось бы знать.

Порой Даниэль затруднялся с ответами на вопросы питомцев, а иногда даже ошибался в именах персонажей Священного Писания. Душевные из воспитанников жалели учителя, сочувствовали ему. “Может, в семье стряслось неладное?” – терялись они в догадках. Менее добрые подозревали, хотя не решались высказать вслух свои подозрения, что виной худым переменам стала старость. Впрочем, наделенных пытливым умом, но недобрых, было не слишком много.

Ныне каждый старец, который пока еще, слава Всевышнему, пребывает в здравом уме и твердой памяти, знаком с понятием геронтологии. Ну, а люди, не достигшие преклонных лет и потому с оптимизмом глядящие в будущее, подавно осведомлены о своих перспективах, хотя и не печалются о

них. Совсем не то было в те далекие времена! Поэтому вовсе не удивительно, что только малое меньшинство юных последователей Даниэля предположили ментальную патологию в качестве причины метаморфозы.

Невежество есть безлунная и беззвездная ночь ума. Однако не следует преувеличивать некомпетентность древних. Их нехитрые, но практические наблюдения приблизительно правильно отражали действительность. Умозаключения, сделанные в давно минувшие темные века, в наше просветленное время обрели ученые формулировки и наполнили собою страницы мудрых книг.

Оставим общие рассуждения и вернемся к нашим героям. Проницательный читатель, несомненно, догадался, что рассеянность и забывчивость Даниэля вовсе не были связаны с его почтенным возрастом. Объяснение достаточно просто: Даниэля увлек труд над исполнением поручения Дария. Таково уж свойство сыскного дела – оно целиком поглощает ум и сердце детектива, и тот невольно направляет главную часть своего внимания на расследование преступления.

Даниэль всё больше проникался мыслью, что настало время обсудить с Акивой предварительные результаты дозна-

ния. “Чего добился мой протеже? Пусть доложит мне, как руководителю следственной группы. Неровен час, пригласит нас Дарий, и надо будет давать отчет!” – думал пророк.

Во что бы то ни стало Даниэлю хотелось продемонстрировать свое превосходство над более молодым коллегой. Для этого пророку требовалось предъявить бесспорные свидетельства прорыва.

“Мы с Акивой разделили задачу надвое, – рассуждал Даниэль, – я занимаюсь расследованием в духовной сфере, он – в криминальной. Разумеется, деление условное, и мы обязаны помогать друг другу. И все же наибольшее впечатление на Акиву я произведу, если добьюсь прогресса именно на его поприще, то бишь в расследовании смерти Валтасара. Обращусь-ка я за помощью к моему новому товарищу Шадрахи. Авось, просветит меня сей вельможный идолопоклонник!”

Уверенным шагом по привычному пути направился Даниэль ко дворцу. Как всегда, он сердечно поприветствовал стражу, вошел в здание визирей и велел охраннику доложить о себе. “Я намерен обсуждать с Шадрахом обстоятельства смерти Валтасара, – выпалил Даниэль и тут же испугался: а не сказал ли я чего лишнего?”

Охранник доложил Шадрахи о прибытии посетителя и его

намерении обсуждать смерть Валтасара. Тут Даниэль разобрал голос Шадраха за дверью: “Даниэль еще не знает, насколько он близок к успеху!”

Охранник распахнул дверь, и, ободренный услышанным, Даниэль вошел к Шадраху. Тот сидел в глубоком кресле и задумчиво смотрел в окно. На коленях его пригrelась старая дворцовая кошка – существо степенное и полное достоинства. Не глядя на животное, Шадрах водил холеными пальцами по блестящей шерсти. Кошка щурилась от удовольствия и едва слышно мурлыкала.

– Слушаю тебя, иудей, – произнес Шадрах навстречу вошедшему Даниэлю и стряхнул кошку с колен.

– Печален ты, Шадрах, сегодня. Случилось что?

– О настроении моем пришел покалякать? Или есть у тебя дела поважнее?

– Не берусь сравнивать важность дел. Но рассчитываю, однако, на твою откровенность, дорогой Шадрах.

– А не убоишься откровенности? Небезопасна она! Я уж говорил тебе, что я честен и прям. Своих мнений не скрываю и смело во всеуслышанье провозглашаю их. От своих слов не отступаюсь.

– В таком случае напомню тебе твои слова: ты весьма почитал Навуходоносора и не был поклонником Валтасара. Хотелось бы услышать подробности.

– Я прежде полагал, что эти вещи выходят за пределы тво-

его расследования. Но я переменял мнение.

– Вот и отлично. Всё, что касается смерти Валтасара – важно для меня.

– Брось хитрить, Даниэль. Ты подбираешься к причине гибели царя. А, точнее, тебе надо знать, кто убил его! Сегодня – твой день. Все узнаешь!

– Я весь внимание, Шадрах.

– Начну издалека. Я обожал Навуходоносора, благоговел перед ним. О, как он был велик, как возвышен! Царь Востока! Завоевывал страну за страной, покорял народ за народом, разрушал город за городом, тысячами приводил рабов, взывал дань, обогащал военной добычей наш славный Вавилон!

– У тебя государственный ум. Но ведь не безразличен же ты был и к личной пользе, и частные горизонты волновали тебя, не так ли?

– Личная польза – да, а горизонты... Какие у евнуха горизонты?

– Тебе видней...

– Навуходоносор ценил мои таланты и продвигал меня по служебной лестнице. Точнее, по парадной дворцовой лестнице.

– Как понимать сие?

– Встречая иноземных послов, мы, вельможи, располагались на ступенях парадной дворцовой лестницы. С каждым новым продвижением по службе я вставал на ступеньку вы-

ше, и так добрался до самого верха.

– А, может, все-таки поговорим о горизонтах? Что виделось тебе за ними, или перед ними. Если желаешь, разумеется! Прости мою настырность.

– Давай, поговорим. Таился у меня в душе росток зависти к Навуходоносору. Много, очень много жен его наслаждались гаремной жизнью! Он их любил, а я лишь охранял, исполняя мне доступный долг.

– Капля дегтя?

– Может быть. К счастью, Навуходоносор не часто пребывал во дворце – все больше в военных походах. Я страдал немного. Однако – сильно.

– Что скажешь о Валтасаре?

– Сын ни в чем не был сходен с отцом.

– Не продвигал тебя?

– Меня некуда продвигать – пиететом Навуходоносора я вознесен на вершину лестницы – говорил уж тебе!

– Валтасар мало воевал – это верно.

– Если б только это! Пьяница и гуляка, срамник и плотолюбец. Только бабы на уме. Последние свои годы ухлестывал за малолеткой.

– Чувственность сердца – разве велик грех, да и грех ли вообще?

– Великий грех это, иудей! Зависть моя умножилась. Росток укрепился, разросся необъятным лесом. Я возненави-

дел Валтасара и жен его.

– А жен-то за что?

– Жен за что? Как видно, тебе не понять меня, старик благоуспешный. Они пили из чаши наслаждения, другим наполняемой. Сытые телом и нищие духом, жалкие эти особы манкировали и пренебрегали мною, насмешничали и скалили зубы. Переступили через предел великотерпения моего.

– Ты знаешь средство, как унять ненависть?

– Знаю, и ты тоже знаешь, пророк! Мечь – вот древнее и вечное средство, что исцеляет ненависть!

– Одно дело – знать, а другое – применять!

– Одно, другое, третье – увертки слабины. Я не имел в виду тебя. Я – личность сильная, действую единожды и наверняка.

– Поясни!

– Я убил Валтасара!

– Что??

– Я убил Валтасара!

– Как??

– В пиршественную ночь, пока ты, иудей, мудрил над буквами на стене, а Валтасар вышел на двор освежиться, я подкрался сзади и ударил мечом. Обезглавленное тело я оставил у ворот Вавилона.

– А что сделал с головою?

– Отеревши с шеи кровь, я сунул голову Валтасара в мешок, сел в колесницу и помчался в лагерь персов, благо, они

расположились близко. Я вошел в шатер к Киру и показал ему мой трофей!

– Зачем?

– Я надеялся, что смерть Валтасара удержит Кира от захвата Вавилона. Теперь не знаю, что нас ждет. Царь персидский не принял головы врага. Гордец, небось, сам хотел обезглавить Валтасара, а чужой подвиг присваивать не желал. Я вернулся к городским воротам, приставил голову к телу и ушел к себе.

– Шадрах, ты не боишься признаваться в цареубийстве?

– Ничуть. Я человек необыкновенный. Я не тварь дрожащая, а право имею. Мне позволено любое деяние ради великой цели!

– Вот, ты говоришь сии страшные слова, а через дверь тебя слышит стража. Злые языки не преминут довести до Дария...

– Я открыл тебе государственную тайну, а ты талдычишь мне о пустяках! Радуйся, Даниэль! Покрасуешься перед Дарием – мол, нашел убийцу. Я устал. Подай мне кошку, и отправляйся восвояси, благоразумный иудей!

Даниэль спешно покинул Шадраха и вернулся домой. Возбужденный удачей, он похвалил жену за безукоризненно сервированный глиняной чашкой и деревянной ложкой стол.

Отведал для возбуждения аппетита несколько соленых маслин. Макая свежее испеченную лепешку в парное молоко, он, не превышая скромной меры, насытил утробу и отправился к себе размышлять о ходе расследования. Авишаг испытывала удовлетворение супруги, наконец-то угодившей желудку мужа.

“Какой счастливый день! – размышлял Даниэль, – ведь я узнал причину смерти Валтасара! Как умно я построил беседу с Шадрахом, как ловко я подвел его к признанию!”

“Я заметил яркий блеск в глазах евнуха. Кажется, так легко, без лишней внутренней борьбы дались ему слова покаяния! Хотя нет, разве это покаяние? Он гордится своим поступком, хочет гласности!”

“Признаваясь в убийстве, евнух доказал свое бесстрашие. Он не боится ни законов, ни Дария, ни гнева народного. Даже мстительность гаремного товарищества ему не страшна! Воистину, он не тварь дрожащая!”

“Шадрах ничего не страшится. А в чем кроется причина бесстрашия? Я не настолько наивен, чтобы думать, будто вавилонский вельможа желал помочь иудейскому пророку. Выходит, что-другое замешено. Неужели... Да не может быть такого! Он в своем уме! А, впрочем, дни покажут!”

“Теперь – самое время встретиться с Акивой. О своем успехе расскажу помощнику скромно, как бы невзначай. Неприязательность ошеломляет вернее хвастовства. Любопытно, чего он успел добиться? Кажется, Акива рассчитывал выудить полезные сведения у Асафа и его девчонок. Удалось ли ему это? Не исключено, что его тропинка встретится с моею широкою дорогой. Тогда, подтвержденная независимыми источниками версия, обретет несомненность факта. Явимся к Дарию победителями!”

Утомленный удачей и сморенный насыщающим обедом, Даниэль задремал. Сквозь легкий туман полусна грезилось ему, что столь успешный день весьма годится для разговора с небесами. “Одна удача идет, другую ведет! – бормотал, засыпая, Даниэль, – призову-ка я ангела, пусть подтвердит, что это он сделал надпись на стене!”

Явился к пророку ангел небесный, и состоялся меж двумя примечательный разговор.

– Ты хотел говорить со мною, Даниэль? – спросил ангел.

– Да, есть у меня к тебе дело, белокрылый! – ответил Даниэль.

– Пророку Господа я всегда рад помочь!

– Известно ли у вас на небесах о смерти Валтасара?

– Разумеется, Даниэль, известно. Мы знаем не только то,

что было, но и то, что будет на вашей земле!

– Значит, тебе не внове слышать, о надписи красными буквами на белой стене в пиршественном зале дворца?

– Конечно, не внове! Я знаю и о надписи, и знаю о чем она! Мне ведомо, что ты, и только ты единственный сумел прочесть квадратные буквы!

– Вот и славно. Тебе осталось только признать, что твоею рукою или, вернее, твоим крылом выведены были сии буквы!

– О, Даниэль, этого я сделать никак не могу!

– Отчего же, белокрылый?

– Ты ведь знаешь, Даниэль, что нет лжи н моих устах, одна лишь правда! Не я писал!

– Так кто же автор надписи? Говори, ангел Божий!

– Кто-то из вас, землян воспользовался кистью и красками!

– Кто? Скажи мне! Тебе ведомо все на свете!

– Нет, не скажу. Я говорю только то, что Бог велит мне говорить. Господь не одобряет несанкционированных Им речей. Прощай, Даниэль.

Тут дремота слетела с век Даниэля. “Что это значит? – спросил самого себя пророк, – я беседовал с ангелом небесным, или мне привиделся сон? Нет, это был не сон! Меня и в самом деле удостоил визитом посланец высших сфер!”

“Стало быть, на стене писал не ангел. Придется снова до-

искиваться до истины. Коли надпись – не ангела крыл дело, значит, Господь не подвинул его на это. Выходит, писание на стене не угодно было Богу. В этом есть подсказка для начала нового поиска – кто способен совершить неуютное Богу дело? Будем искать. Вместе с Акивой!”

IX

В тот самый день и час, когда Даниэль пришел к решению о необходимости обсуждения хода дел со своим партнером Акивой, последний сделал решительное умозаключение о назревшей беседе с Даниэлем. Это не случайное совпадение, но одно из проявлений принципа общего интереса. Каждый из двоих, и один независимо от другого, сказал себе: “Пора!”

Хорошо, когда коллеги мыслят схоже. Пусть сердца их и не бьются в унисон, однако, общая цель сплачивает, и поэтому путь к ее достижению спрямляется.

Даниэль услышал знакомый стук лошадиных копыт у крыльца. “Акива!” – подумал он и не ошибся. Раскрасневшись от удовольствия радостной встречи, Авишаг опрометью бросилась на кухню – готовить любимые блюда любимого гостя.

Мужчины солидно пожали друг другу руки, обозначили церемониальное объятие с непременно похлопыванием по плечам и спине и деловито удалились на совещание. Авишаг пришлось угощать гостя, а заодно и мужа, в рабочей

комнате Даниэля. Сок из апельсинов был подан на знакомом Акиве подносе. “Красивая посуда, помню ее!” – похвалил гость. “Куплена в Ниппуре, в лучшие времена!” – удаляясь, со вздохом сказала Авишаг.

– Рассказывай о своем продвижении в деле, мой ученик, коллега и товарищ! – начал разговор Даниэль.

– Скажу сразу, учитель, я пока не решил до конца проблему, но встал, как кажется мне, на верный путь, – ответил Акива.

– Отрадно слышать!

– Я завоевал доверие Асафа и крепко подружился с его чадами и домочадцами. Дружба ценна сама по себе, не так ли?

– Безусловно. Ценность дружбы в ней самой. Но есть и другие ценности, на путь обретения коих мы с тобою встали.

– О, как верно! Двое глядят на одно и видят одинаковое. Редко и прекрасно! Теперь перехожу к сути нашего расследования. Итак, я выяснил важнейшую вещь: не только Валтасар любил Рудабе, но и Кир был без ума от сей девицы.

– Крайне интересно! Однако, откуда тебе известно это?

– Я встречался с Киrom и говорил с ним.

– Странно, что ты не посоветовался со мной о визите к персидскому царю. Я – глава следственной группы и претен-

дую на такую честь.

– Ты прав, Даниэль. Из экономии времени...

– Ну-ну, не юли, продолжай докладывать!

– В одной из завсегдашных схваток между отрядами вавилонян и персов, последние отбили у Валтасара переодетую солдатом девицу и показали ее Киру. Царь персидский загорелся любовью к Рудабе. К своему глубочайшему разочарованию он узнал, что Валтасар тоже влюблен в нее, и, что было гораздо досаднее для Кира, она отвечала взаимностью вавилонскому монарху.

– О, мы стоим у порога многообещающего начала! Любовь, ревность – выглядит увлекательно. Пахнет большой войной.

– Думаю, мы с тобою, Даниэль, не только не стоим у порога начала, но перешагнули порог конца!

– Что ты хочешь этим сказать, Акива?

– Ты правильно заметил – любовь и ревность. Валтасар мертв. Разве не будет разумным предположить, что персидский царь мог замыслить убийство конкурента?

– О, это вполне в духе языческого соперничества за сердце женщины! Как славно, что мы, иудеи, не склонны к проявлению низменных страстей!

– Боюсь, Даниэль, ты приукрашиваешь достоинства нашего с тобою племени. Хотя, ты, может быть, и прав – к проявлению не склонны. Впрочем, духовная сфера тебе ближе, чем мне.

– Безусловно! Лучше меня, пророка иудейского, никто в этом не смыслит.

– Вернемся к сути. Тебе не кажется логичным мое предположение: убийство совершено если и не самим Киром, то кем-то из его лагеря?

– В свете любви и в мраке ревности твое предположение абсолютно логично!

– Я рад твоей высокой и справедливой оценке! Стало быть, мы продолжим изыскания в русле логики!

– Не торопись радоваться, Акива. Логично – еще не значит верно! Порой, оказывается верной вещь, далеко не кажущаяся на первый взгляд логичной. Тогда поневоле приходится признавать, что верное – оно и есть логичное! Не логика диктует фактам, но факты выковывают логику!

– Не понимаю, как логичное может быть неверным?

– Поясняю. Всякому деянию сопутствует множество обстоятельств. Скажем, ты выберешь из этого множества первое, второе и третье обстоятельства и выведешь из них логичную причину деяния. Другому понравятся иные обстоятельства – четвертое, пятое и шестое – и он установит свою логичную причину, совершенно отличающуюся от выведенной тобою. А на поверку окажется, что самом-то деле только седьмое, восьмое и девятое обстоятельства указывают на истину, хотя бы это и выглядело нелогично!

– Я понял, учитель. Главное состоит в том, чтобы учу-

ять правильные обстоятельства. Использовать логику, дабы прийти к нелогичному и верному выводу. Я это и делаю! Ты – книжник, жонглируешь словами. Я же – практик. Похоже, есть заготовка у тебя, любезный Даниэль. Доставай ее, не прячь в рукаве!

– Слушай меня внимательно, Акива! Убийцу Валтасара я нашел, и преступник во всем признался. Он, представь себе, отнюдь не из лагеря Кира!

– Кто он?

– Шадрах, евнух и вельможа Валтасара!

– Фантастично! Почему Шадрах убил и почему признался?

– Возможно, убил из мести. Он сравнивал великого отца с презренным сыном. Он обожал Навуходоносора и ненавидел Валтасара. К тому же, Шадрах лишен был радостей любви. Он свел счеты с нерадивым монархом и удачливым сердцеedom. И женам царским мстил Шадрах, над его бедой насмеявшимся.

– Так, значит, месть – причина?

– Ненависть, зависть, месть. Кто знает, что первично, и в чем причина? Шадрах твердил мне, будто покончил с Валтасаром ради будущего империи, мол, надеялся умаслить Кира, дабы тот не пошел войной на Вавилон. Сомневаюсь, однако. Полагаю, говорил это евнух лишь для красного словца, себя возвысить.

– А почему признался он?

– Об этом много думал я. Пока не знаю точно. Вместе будем выяснять, коль это важно.

– Как Шадрах довел до Кира умасливание свое?

– Просто и убедительно. Евнух срубил голову Валтасару, положил ее в мешок и предъявил персидскому царю. Но тот гордо отверг дар.

– Выходит, если признание Шадраха не ложно, то Кир может подтвердить, что евнух приходил к нему со срубленной головою Валтасара!

– Ты прав, Акива! Мы обязаны проверить истинность признания Шадраха. Не оговорил ли он себя!

– Что ж, попросим аудиенции у Кира.

– Тебе этот путь хорошо знаком, коллега.

Даниэль был весьма удовлетворен тем ошеломляющим действием, которое произвел на Акиву рассказ об убийстве Валтасара евнухом Шадрахом. Теперь дознавателям предстояло получить подтверждение из уст самого Кира. Этот шаг был совершенно необходим. Ни один честный и добросовестный расследователь не удовлетворится признанием вины, сделанным возможным преступником. А если это самооговор? Необходимо получить убедительное свидетельское показание или раздобыть бесспорную улику.

Нельзя сказать, чтобы душа Даниэля была абсолютно спокойна перед встречей с Киrom – а что, если царь персидский опровергнет слова евнуха? Все-таки шевелился в сердце пророка червячок сомнения, ибо не до конца был ясен дознавателю мотив откровенности Шадраха. Однако, вспоминая уверенный, совершенно безапелляционный тон, с которым вельможа произносил свое заявление, Даниэль успокаивался, и неуверенность теряла яркий свой рельеф, покрываясь серым туманом.

Акива испытывал досаду. Он очень надеялся на одобрение Даниэлем версии убийства Валтасара кем-либо из лагеря Кира. При этом ниппурский сыщик вполне отдавал себе отчет в том, что догадка его являла всего лишь сырой материал. Точнее, скелет, на который необходимо было нарастить мясо свидетельств, а образовавшуюся плоть облечь в кожу бесспорных доказательств. Вот только скелет не выдержал первого испытания на прочность и надежность костей.

В некотором смысле гипотеза Акивы была сродни находке Даниэля – предположения обоих дознавателей опирались на идею губительного действия романтических чувств на человеческую душу. Разумеется, каждому из сыщиков была мила именно его версия, а версия другого казалась слабой и не заслуживающей дальнейшей разработки.

Профессиональная интуиция подсказывала Акиве ложность странного признания. Возможно, причиной такого соображения была сомнительность мотива убийства. Акива в глубине души очень надеялся, что Кир отвергнет рассказ Шадраха, как тот якобы явился к нему с отрубленной головой Валтасара.

“В чем мне видится смысл возможного опровержения Кира?” – размышлял Акива. “В правоте монарших уст сомневаться не пристало. Отрицающее заявление перса будет означать, что Шадрах не предъявлял ему срубленную голову Валтасара, но вовсе не исключит подозрение, будто евнух убил своего бывшего царя”.

Совершил ли преступление именно Шадрах, или кто другой из вавилонян – в любом случае такой поворот дела укажет на то, что предположение Акивы об убийстве Валтасара кем-либо из лагеря персов являлось ошибочным. Эта мысль омрачала настроение ниппурского детектива. Тем не менее внутренний голос, сыскной азарт и возбужденное самолюбие не позволяли Акиве зачеркнуть собственную версию и не разрабатывать ее далее.

Утром следующего дня Акива явился к Даниэлю. Дозна-

ватели собрались к Киру. В поведении обоих заметно было некоторое волнение. Акива удивил Авишаг непривычной сухостью. “Размышляет о чем-то своем и важном”, – снисходительно подумала Авишаг. Наскоро позавтракав, сыщики отправились в лагерь персов.

– Милости прошу, дорогие визитеры! – просто и приветливо проговорил Кир, величайший монарх своего времени.

– Мир тебе, достойнейший царь персов! – поклонившись, промолвил Акива.

– Мир тебе, владыка Востока! – вслед за Акивой воскликнул Даниэль и поклонился настолько глубоко, насколько позволяла немолодая спина.

– Акива, представь мне своего почтенного спутника! – сказал, пряча улыбку, Кир.

– Пред тобою мой первый учитель дознания, а ныне пророк Даниэль, – торжественно проговорил Акива.

– Я счастлив быть принятым тобою, о, всемогущий Кир! – с трепетом в голосе проговорил Даниэль.

– А я весьма рад, Даниэль, что в важных занятиях твоих случился просвет, и я, скромный язычник, удостоился визита иудейского пророка, – вымолвил Кир.

– Ах, владыка, я не имею слов...

– Не смущайся, я помогу тебе, – перебил Кир гостя, – твой ученик Акива уже посещал меня, но он был один, без тебя. Акива объяснил мне невозможность твоего прибытия исключительной занятостью изысканиями, смежными с делом

о Валтасаре. И вот, слава богам, я зрю и слышу иудейского пророка!

– Ах... – только и мог выговорить Даниэль, и густая краска смущения проступила сквозь редкую седую бороду.

– Великий Кир! – воскликнул Акива, – прощаясь со мною, ты соблаговолил заметить, что будешь нам с Даниэлем в будущем полезен. И вот, у нас дело к тебе.

– Я готов служить вам и вашему делу. Но прежде мне хотелось бы задать один вопрос, если не возражаете.

– Какой именно вопрос, Кир? – спросил Акива.

– У нас в Персии шутят, мол, один иудей – это купец, два иудея – это три мнения, а я вот думаю, что же получится, если к двум иудеям прибавить одного перса?

– Мне по душе остроумие, – оживился Даниэль, – я полагаю, что два иудея и один перс – это разгаданное дело об убийстве вавилонского царя!

– Bravo, Даниэль, отличная шутка и со значением! Я догадался, к чему ты клонишь. Выкладывайте ваше дело, два иудея, а перс постарается быть полезным вам! – смеясь, проговорил монарх.

– Вопрос наш простейший, – заверил Даниэль, – расследуя причину гибели Валтасара, мы с Акивой получили признание евнуха Шадраха о том, что это якобы он является убийцей. Шадрах сообщил, будто срубил голову Валтасару, принес ее к тебе в знак признания Вавилоном твоей силы, и лелеял надежду, что ты не пойдешь войной на Вавилон. Нам

требуется твое подтверждение.

– На ваш простейший вопрос вы получите мой простейший ответ. Возможно, Шадрах и срубил голову вавилонскому царю, – ответил Кир, – но евнух никогда не был у меня. Я не знаком с ним. Он вам солгал, по крайней мере наполовину. А что касается моих военных планов, то, я надеюсь, вы не затем пришли, чтобы выведать их!

– О, разумеется, великий Кир! Наше дело – только расследование убийства, – горячо заверил Акива, и камень упал с его души.

– Мы бесконечно благодарны тебе, владыка, за важное свидетельство! – прибавил Даниэль.

– Рад был познакомиться с тобою, Даниэль. Думаю, персу есть еще что сообщить двум иудеям, но – в другой раз. Я снова обещаю быть полезным.

На обратном пути в Вавилон оба дознавателя сосредоточенно молчали. Каждый перебирал в уме состоявшийся разговор с великим царем, мысленно повторял реплики, обдумывал их значение, оценивал впечатление, произведенное им и его партнером на Кира.

Акива покинул покои персидского монарха вполне удовлетворенным. Рассказ Шадраха оказался выдуманным, по

крайней мере во второй его части. Он не приходил к Киру с отрубленной головой Валтасара. Стало быть, евнух лжец. “Навряд ли, – рассуждал Акива, – ложь окружена правдой. Поэтому есть основания полагать, что и другие части признания лживы. Стало быть, жива моя идея убийства Валтасара человеком из лагеря персов!”

Как ни странно, но и Даниэль был чрезвычайно доволен результатом разговора с Киrom. Конечно, опровержение персидского владыки сильно подтачивало правдивость признания Шадреха. Но разве это главное? Недолго и новую версию выдумать. “В конце концов, пусть Акива ломает голову!” – думал Даниэль.

Так что же обрадовало пророка? А вдохновила его похвала персидского владыки. “Он пошутил, и я пошутил ему в тон. ‘Браво, Даниэль’, – сказал Кир в ответ на мою шутку! – вспоминал Даниэль, – а еще монарх сказал, мол, счастлив был познакомиться со мной! Я думаю, никогда не хвалят без прицела на будущее”.

“Очень важно доброе мнение великого завоевателя о духовном вожде малого и слабого племени. Не зря Кир обмолвился, дескать не явились ли мы с целью выведать его военные планы. Значит, есть у владыки бранные намерения в отношении Вавилона. Если так, то, думается мне, он легко

покорит нашу вавилонскую империю – в разброде она. Вальтасар обладал качествами, необходимыми для развала государства. И будет у нас, иудеев, новый господин. А если я, пророк иудейский, понравился ему, то и народ мой понравится! Отличное начало. Может, этот перс отпустит нас на родину?”

Х

Существует мнение, что авторитет есть навязывание своей воли. Возможно, сие верно, но тем не менее люди боятся отсутствия авторитета. Меж иудеями Вавилонии первым мудрецом слыл Даниэль. К несчастью, завоевание пророком высокого престижа среди собственных единоверцев слишком мало помогало утяжелению веса его значимости в глазах, как ныне говорят, титульной нации.

Нетвердое положение мудреца в чужой стране заставляет его искать любви у власть предержащих. Действовать приходится посредством лести, услужливости, нарочитой почтительности. Совершенно необходимо нравиться сильным мира, или, по крайней мере, не гневить их.

Содержание последнего разговора с Шадрахом чрезвычайно понравилось Даниэлю, ибо детектив получил признание в убийстве. Однако радость дознавателя омрачалась тем фактом, что евнух прощался с ним не слишком любезно. Поэтому Даниэль чувствовал настоятельную потребность снова встретиться с Шадрахом и ласково поговорить с ним. Такая беседа была весьма желательна по двум веским причинам. Во-первых, следовало изменить настрой вельможи на

благоприятный лад. Во-вторых, только при выполнении этого важного условия, пророк вернет себе душевное спокойствие.

Задача Даниэля выглядела не слишком простой, ибо выяснилось, что Шадрах лжец. Как правильно говорить с савонником, давшим обманные показания? Важно не только не гневить, но, наоборот, расположить его к себе. Само собой разумеется, что в разговоре нельзя даже дальним намеком упоминать о лжи. Кроме того, не должно упускать из виду следующее: высокопоставленный чиновник может оказаться полезным и в будущем. “Ни в коем случае не сжигать корабли!” – приказал себе пророк.

За свою долгую жизнь Даниэль обрел изрядный опыт безошибочного поведения в замысловатых ситуациях такого рода. Цель была сложна, но достижима. Даниэль намеревался, не откладывая, явиться во дворец, дабы встретиться с Шадрахом, и удостовериться, что тот по-прежнему благосклонен к нему.

Была у сыщика и еще одна причина побывать во дворце. Следовало разыскать Вашти и спросить ее мнение по поводу прискорбного факта осквернения храмовой посуды. А вдруг это пронырливая девица осведомлена об обстоятельствах, побудивших ее отца раздать пирующим священные

кубки? Она вполне может добавить какую-либо важную подробность, открыть ускользнувшую от прочих наблюдателей многозначительную деталь и тому подобное.

Вашти опровергла первую версию дознавателя: Валтасар не умел считать и, значит, не мог ошибиться в расчете времени пребывания иудеев в Вавилоне.

Вторая версия Даниэля, совершенно надежная и не подлежащая сомнению, опиралась на убеждение в злонамеренном желании Валтасара опоганить иудейскую святыню. Однако, как уже прежде решил пророк, надо свериться с роковой девицей. “Я хочу услышать от Вашти подтверждение моей правоты. Итак, сегодня у меня два дела во дворце!” – сказал себе Даниэль и отправился в путь.

Войдя в здание, Даниэль напрямик направился к двери апартаментов, принадлежащего Шадрахи. К своему удивлению, визитер не узрел охранника с мечом. Даниэль остановился у закрытой двери и предался размышлениям. “Странно, – подумал он, – разве здоровье и жизнь Шадраха потеряли свою особенную ценность для империи, и вследствие этого Дарий распорядился убрать охрану?”

“Впрочем, нечему удивляться. Могущество Вавилона пошатнулось. Валтасар совершенно забросил завоевательные войны, катастрофически сократились поступления от дани, не стало новых рабов. Бессчетные таланты золота употреблялись на увеселения, на пиры, на дорогой дворцовый разврат, а ведь всё это – непроизводительные статьи бюджета!

“Было время, и было богатство. Кто считал затраты на победы? Прекрасные годы остались в прошлом. Теперь Дарий решил исправить отчаянное положение имперской казны. Думаю, он ввел режим строгой экономии государственных расходов и решил начать с сокращения издержек на охрану чиновников высшего эшелона власти. Правильно сделал – бережливый не похож на скупого!”

“Однако, нельзя исключать и другую причина отсутствия охраны у двери Шадреха. А если евнух пострадал за свой длинный язык? Пусть сей лжец и не приносил Киру голову Валтасара в мешке, но ведь убить-то монарха он мог! Мало того, что незадачливый душегуб лишает жизни царя Вавилонии, он еще громогласно и с гордостью признается в преступлении! Поэтому совершенно не исключено, что Шадрех арестован за цареубийство, пребывает в заточении и ожидает суда!”

“Однако такой криминальный поворот дела весьма небла-

гоприятен для нас с Акивой. Выходит, Дарий без помощи нашего расследования добрался до истины и самостоятельно выяснил причину смерти Валтасара. Значит, мы ничем не помогли Дарию, не исполнили его поручение, не оправдали надежд. Акива не получит вожделенную награду. Будет подорвано мое реноме пророка. О, только не это!”

“Довольно досужих размышлений! Я всё выясню у Шадраха лично, смело войдя к нему без доклада. Во всяком случае, попытаюсь войти!” Даниэль сделал решительный шаг вперед и толкнул дубовые створки. Тяжелая дверь не поддавалась. Он потянул ручку на себя. Тот же разочаровывающий результат.

“Заперто! – догадался Даниэль, и в сердце пророка вернулась тревога, – но делать нечего, надо хотя бы частично исполнить задуманное на сегодняшний день. Поищу Вашти, попытаюсь уточнить обстоятельства, побудившие Валтасара дать приказ пить из храмовых кубков”.

Встретившиеся Даниэлю слуги подсказали, в каком здании проживает Вашти. Детектив отправился в указанном направлении. В глубине сада перед ним стоял небольшой ухоженный дом. Внизу он никого не увидел. Полная тишина.

Даниэль понялся на этаж. Его взору открылась роскошно обставленная комната. Великолепные ковры на стенах и на полу. Горы подушек, комнатные растения, свежие цветы в изящных вазах. В воздухе витал чудный аромат лаванды.

Даниэль перешагнул через порог и поначалу не разглядел ни одной живой души – комната казалась пуста. Он прищелкнул глазами получше и у дальней стены заметил женскую фигуру. Даниэль приблизился. Спиной к нему стояла Вашти. Занятая важным делом, она не замечала гостя. Перед нею высилась на треноге клетка с витыми прутьями, а в ней на жердочке висел вниз головой разноцветный попугай. Темная шелковая ткань плотно закрывала птичий дом с трех сторон. Четвертая открытая сторона клетки была обращена к Вашти. Она учила попугая разговаривать.

“Я – Аруру!” – отчетливо проговорила Вашти. Попугай молчал. “Я – Аруру!” – повторила наставница. Пернатый ученик перекувырнулся, вопросительно взглянул на свою словесницу, но нарушил молчания. “Я – Аруру!” – продолжала Вашти проявлять терпение и настойчивость. “Я – Аруру!” – наконец-то просипела птица хриплым голосом. В знак поощрения Вашти положила на дно клетки сушеный финик.

Рядом с Вашти сидела знакомая Даниэлю кошка и заинтересованно глядела на попугая. Вид животного добавил Да-

ниэлю тревоги. “Почему кошка здесь? Где ее хозяин? Что с ним?” – с беспокойством спросил себя Даниэль.

Тут Вашти обернулась и увидела вошедшего.

– Мир тебе, прекрасная Вашти! – проговорил Даниэль.

– Мир тебе, иудей, – ответила Вашти.

– Иудей! – раздался голос из клетки.

– На днях, мне подарили молодого попугая. Я назвала его

Аруру. Уччу говорить.

– Я – Аруру! – прокричала птица, ни к кому не обращаясь.

– Мы делаем первые успехи. Аруру научился произносить свое имя! – с гордостью сказала Вашти.

– Дай Бог, дальше не хуже! – бросил Даниэль.

– Хуже! – проговорил пернатый ученик.

– Способная птаха, быстро продвигается в учении – заметил пророк и мысленно сравнил с нею некоторых своих питомцев не в пользу последних.

– Что привело тебя ко мне, иудей!

– Иудей! – снова пробурчал попугай.

– Тихо! – скомандовала Вашти и завесила четвертую сторону клетки.

– Меня по-прежнему беспокоит вопрос о том, что побудило Валтасара раздать гостям на пиру наши священные храмовые кубки?

– Помнится, мы говорили об этом.

– Я предполагал, что твой отец ошибся в расчете време-

ни, и в этом заключалась причина, по которой он предложил пирующим священную посуду.

– Ты предполагал! Но я вразумила тебя, что родитель мой был неграмотен, не умел считать, и поэтому не мог ошибиться в расчете.

– Да, Вашти. Но что же все-таки послужило поводом для столь обидного иудеям решения Валтасара? Размышляя, я пришел к единственному, как мне кажется, верному выводу. Прошу не сердиться на мои слова, прекрасная Вашти, но мне ничего не остается, кроме как допустить недоброе намерение монарха. Он умышленно осквернил наши святыни, дабы унижить мое племя. Что ты думаешь об этом?

– Мне досадно слышать такие речи, иудей! Отец мой хоть и не был свободен от прегрешений, но никогда не носил в голове недобрых умыслов. Иудеев он и сам не обижал, и в обиду другим не давал!

– Я не хотел тебя огорчать, драгоценная Вашти, ибо мой пророческий ум предрекает твое в высшей степени значительное участие в судьбе моего гонимого народа. Грядущее покажет. Однако, если не враждебность к иудеям, то что, по твоему, подвинуло Валтасара на злополучный шаг?

– Эх, мудрец иудейский! Отчего ты сразу не спросил меня напрямик?

– Вот, я спрашиваю напрямик!

– Слушай внимательно! Пирующие вконец распоясались. Напились допьяна, и пошли у них ругань да драки. Перебили

всю посуду, негодяи! А отец мой, добрая душа, хлебосольный хозяин, не хотел гостям ни в чем отказывать. Вот и распорядился он взять ваши кубки – наши-то дворцовые под столами разбитыми валялись!

– Ты сама это видела, Вашти?

– Знала, что ты задашь сей вопрос. Сама видела, и сама слышала. А не веришь мне – спроси у подавальщицы на пире, мы обе свидетельницы!

– Выходит, Валтасар осквернил нашу святыню, дабы пьяных гостей потешить, а не мое племя уязвить?

– Да, иудей, так и выходит. Где нет умысла, там нет и вины!

– Допустим, – пробормотал пророк.

Даниэль замолчал и задумался. “Стало быть, Валтасар плох только наполовину, – рассудил визитер, – священные кубки покойный царь осквернил, но не по злобе сделал это. К подавальщице не пойду. Нет причины не доверять Вашти. Теперь я знаю правду и сумею ею распорядиться, как мне требуется”.

Тут Даниэлю опять попалась на глаза знакомая кошка, и вновь кольнула тревога.

– Вашти, почему кошка Шадраха у тебя?

– Как, разве ты ничего не знаешь о нашем евнуче? – изумленно спросила Вашти, и глаза ее наполнились слезами.

– Нет, не знаю, – с дрожью в голосе ответил Даниэль, и дурное предчувствие ужалило его в сердце.

– Бедный Шадрах! – воскликнула Вашти, глотая слезы, – рассудок его помутился, он сошел с ума!

– О, Боже, какое несчастье! Не натворил ли он чего!

– Одержимый безумием, Шадрах бродил по дворцу и всем встречным сообщал, что убил Валтасара. Дескать, разрубил тело царя на мелкие куски, которые скормил собакам. Он ворвался в гарем отца и принялся проклинать его жен, вернее, теперь уже вдов. А на Сину даже руку поднял. О, как ужасно помрачение ума!

– А, может, была все-таки толика правды в признании убийства, – со слабой надеждой спросил Даниэль.

– Ни в коем случае, иудей! У Шадраха добрая и кроткая душа. В жизни своей он и мухи не обидел!

– Где же он теперь?

– Дарий распорядился поместить его в лечебницу. Приставил к нему слугу. Лучший дворцовый лекарь осмотрел Шадраха, пытался вступить с ним в разговор.

– Осмотрел и что сказал?

– Не успокоил. Сказал, что положение больного безнадежно, рассудок не вернется к нему, – вымолвила Вашти, и слезы потекли из глаз ее.

– Ты взяла на свое попечение его кошку?

– Это всё, что я могла сделать для бедного Шадраха!

– Так кто ж убил-то твоего отца? – в отчаянии воскликнул

Даниэль.

- Кабы я знала! Может, охрана прояснит что-нибудь.
- Я ухожу, Вашти.
- Прощай, иудей!

Говорят, мол, причина огорчения состоит в уязвленном тщеславии. К Даниэлю это не относится. Медленным шагом пророк плелся домой. Неважно подвигалось расследование. Времени прошло много, а результатов слишком мало. Даниэлю стало совершенно очевидно, что признание Шадраха – ложь от начала и до конца. Евнух не только не приносил Киру отрубленную голову вавилонского царя, но и вообще никого не убивал. Речи Шадраха – бред потерявшего рассудок. Иными словами, дело о раскрытии преступления не продвинулось, след не взят, и нет зацепки.

Правда, есть еще версия Акивы об убийстве Валтасара кем-либо из лагеря Кира, но это предположение казалось Даниэлю не перспективным.

“Может, и права Вашти, и охрана покойного что-нибудь знает? А что скажет Акива?” – размышлял Даниэль.

“До сих пор не ясно, чьей рукой написаны были слова на

стене. Если не ангел сделал это, то кто? Как узнать? Как?”

Единственным утешением служил Даниэлю тот факт, что удалось выяснить мотив отвратительного поведения Валтасара на пиру – он раздал священные кубки не из желания унижить иудеев, а в угоду пьяным гостям, перебившим всю посуду. Это правда, но не та, которую искал пророк.

Даниэль пришел к заключению о необходимости срочного совещания с Акивой. “Требуется без промедления выправлять дела, – думал Даниэль, – не ровен час, призовет нас Дарий с отчетом, и что мы доложим ему?”

XI

Пятница. Для праведного иудея утренние и дневные часы этого еженедельного волнующего события наполнены ожиданием чего-то значительного, а то и радостного. Если есть в сердце тревога – надлежит ей отступить в темную глубину души и быть на время почти забытой. Впереди святая суббота. Близится праздник, и мысли устремляются к кипучему и безмятежному, к эпохальному и сиюминутному, к всесветному и домашнему.

Зато жены праведных иудеев не ведают в этот день умиротворенной безмятежности, но целиком посвящают себя кипучей деятельности. Ничего эпохального и всесветного – всё только домашнее и сиюминутное. Ибо заняты матроны приготовлением субботней трапезы. Они разрезают, измельчают, лепят, начиняют, взбалтывают, смешивают, пробуют, нюхают, обжигаются. Короче, несут предсубботную вахту у плиты.

Пророк вернулся под родной кров из дома учения. Молитва позади, молитвы впереди. Он не станет просить у Бога того, что может доставить себе сам, но жалобы – главную часть молитв – Господь непременно услышит.

Даниэль расположился в саду и предался размышлениям. Кабы уделил он толику внимания супруге – не встретил бы воодушевления, ибо целиком поглощена была Авишаг кулинарным священнодействием, не будь сие занятие рядом помянуто со священными деяниями мужа.

Глубокие раздумья о жизни захватили угомоненную в канун субботы душу пророка. Неожиданная и удивительная мысль пришла в голову ему.

“Вот, я ежедневно втолковываю отрокам Слово Божье. Не скупясь, делюсь со школярами сокровенными своими думами. Всё великое, что рождается в сердце моем – всё это щедро выкладываю юношеству. А ведь мне ох как есть что сказать, ох как есть чему научить пытливую молодежь!”

“А могут ли юные питомцы быть полезными мне, учителю своему? Познания мои подобны бескрайнему и глубокому морю. Впадающие в него реки каждодневных открытий моих несут полные потоки учености. Много ли воды добавляют морю скромные ручейки пока еще зеленых ученических откровений? Кажется, очень мало. Однако польза от них наставнику неоспорима! Молодые – попечители пожилых. Благо юности в силе и красоте, благо зрелости в расцвете разума. Я созерцаю молодость, я живу среди юношества, я вдыхаю воздух

весны жизни! Это не просто утешение – это награда старику, неисчерпаемый кладезь сил и оптимизма на склоне лет!”

“Проходят годы, и лучшие из учеников становятся зрелыми мужами и доками каждый в своем деле. Тут-то и могут неприметные в прошлом школяры пригодиться учителю. Вот, скажем, Акива. Разве не стал он великолепным сыщиком? Похоже, он даже превзошел меня, да еще и научит бывшего наставника чему-нибудь новому!”

Увы, даже в канун субботы не сумел Даниэль совершенно отряхнуться от будничной суетности. За кружевом субботнего сияния хоть и смутно, но приметно вырисовывалась тень печальной заминки в расследовании.

“Нет, ничего еще не потеряно, – говорил себе Даниэль, – вот-вот должен прибыть Акива. Успеем еще сегодня обсудить дела, и, Бог даст, обозначится вождеденный прорыв. Как славно, что я привлек к делу своего ниппурского ученика!”

Появился Акива. Наскоро поприветствовав Авишаг, он напрямиком направился в комнату Даниэля. Тот уже испытывал нетерпение: “Когда, наконец, явится этот сребролюбец?”

Не дожидаясь приглашения, гость уселся напротив хозяина. Дознаватели молча уставились друг на друга, и ни один не желал первым отверзть уста.

Как глава следственной группы, Даниэль взял не себя инициативу почина.

– Нравится тебе столичная жизнь? – спросил хозяин.

– Недурно, – ответил гость.

– Пожалуй, оставишь провинцию, переберешься в Вавилон, а?

– В Ниппуре у меня клиентура.

– Ну и что – клиентура? Здесь новую заведешь!

– Не просто это, сам знаешь.

– Асаф – гостеприимный хозяин, правда? И дочери у него милейшие, не так ли?

– Так.

– А сколько времени мы с тобой расследованием смерти Валтасара занимаемся? Помнишь, Акива?

– Помню.

– И что ты думаешь об этом?

– Послушай, Даниэль, хватит ходить вокруг да около и меня поддевать! Говори по существу, и будем вместе думать, как дело ускорить!

– Я был во дворце. Имел беседу с Вашти.

– Кто такая?

– Дочь Валтасара. Скоро, совсем скоро прославится она

среди иудеев, и тогда снова услышишь имя это.

– Что ты узнал от Вашти?

– Признание Шадраха оказалось ложным от начала и до конца. Он не только не приносил Киру голову Валтасара, но и вообще не убивал царя. Вот, что я узнал от Вашти!

– Зачем Шадраху потребовалось оговаривать себя?

– Зачем, спрашиваешь? Ответ прост: евнух сошел с ума. Дарий заключил его в лечебницу для душевно больных.

– Чем-нибудь еще порадовала тебя будущая сопричастница к судьбе народа иудейского?

– Из уст ее я узнал, что на пиру у Валтасара захмелевшие гости затеяли ссоры да драки и перебили всю посуду. Потому-то и распорядился хлебосольный монарх выдать им наши храмовые сосуды – пусть, дескать, продолжают бражничать. Не диво, если охочие до вина еще и ворами окажутся, и мы наших кубков не досчитаемся: пьянство выпускает на свободу все, какие есть, пороки!

– Выходит, Валтасар осквернил кубки вовсе не в пику иудеям?

– Да, так получается.

– Я вижу, мало мы добились с тобою, Даниэль.

– Слишком мало, Акива.

– Что еще известно тебе?

– Известно, что не известно, кто оставил надпись на стене. Я полагал, это ангел орудовал кистью. Но во сне явился ко мне белокрылый вестник небес и сказал, что не причастен

он. Мол, кто-то из землян писал.

– Не верить ангелу нельзя!

– Вот именно! А Дарий, того и гляди, призовет нас к ответу. “Кто убил Валтасара?” – высочайше спросит.

– Чем мы богаты на сей момент?

– Докопались до причины, по которой Валтасар осквернил кубки. Не знаем, кто писал на стене. Не нашли убийцу Валтасара. Вот и весь наш актив. На пассив больше походит!

– Ты не назвал мою версию убийства Валтасара человеком из лагеря Кира!

– Ну, разве что это...

В дверь комнаты Даниэля раздался робкий стук. На цыпочках вошла Авишаг.

– Какой-то молодой простолюдин, вавилонянин, желает войти, – промолвила она, – впустить человека?

– Чего он хочет? – поморщился Даниэль.

– Он утверждает, что пришел по делу об убийстве Валтасара, говорит, мол, ему кое-что известно, – сказала Авишаг.

– Немедленно впусти его! – крикнул Даниэль.

– Зови его! – подхватил Акива.

В комнату ввалился широкоплечий парень. На грязном лице его блуждала улыбка, борода была обрита, глаза бегали по сторонам.

– Мир вам, иудеи! – проговорил вошедший.

– Как тебя зовут? – спросил Акива, не отвечая на приветствие.

– Зовут меня Нергал.

– Что ты хочешь нам сообщить, Нергал? – спросил Даниэль.

– Вы, два грамотных иудея, ищете убийцу Валтасара, так что ли?

– Допустим, – бросил Акива.

– Без меня, необразованного вавилонянина, вам не найти душегубца!

– Говори всё по порядку, Нергал, мы слушаем, – сказал Даниэль.

– Сначала скажи, кто ты таков! – пристрожил визитера Акива.

– Состою в должности бойца царской охраны.

– Что известно тебе об убийстве Валтасара? – задал вопрос Даниэль и вспомнил, что Вашти говорила ему, мол, охранники что-нибудь да знают.

– Мне известно всё. А вам это позарез надо. Так вот, я не стану говорить даром. Вы должны мне заплатить, богатые иудеи!

– Мы сперва проверим правдивость твоих слов. Если они окажутся верны – получишь от нас щедрую награду. А сейчас говори, не канителься, у нас нет времени на пустую болтовню, – решительно заявил Акива.

– Рассказываю по порядку. Во дворце Валтасара гремел пир. Вдруг царь увидел надпись на стене. Испугался. Гости разбежались, а царь остался один.

– Это мы и без тебя знаем, Нергал! – бросил Даниэль.

– Про это вы знаете. А что произошло дальше – вам не известно. Струсивший Валтасар велел накрепко запереть двери и никого к нему не впускать – кем бы ни был, желающий видеть его. Убивать всякого, кто попытается к нему войти.

– А если царь отлучится, скажем, по нужде, а потом захочет вернуться, что тогда? Стражники не впустит его самого, да еще и убьют? – спросил с сомнением Даниэль.

– Разъяснений охране Валтасар не дал!

– Странно, очень странно! – заметил Даниэль.

– Продолжай, Нергал, – поторопил Акива.

– Почти по твоим словам и вышло, старший иудей. Отправился Валтасар по нужде в сад, но вышел не через главную дверь, где охрана верную службу несла, а через потайной, только ему известный ход. А когда возвращался, забыл о своем приказе и попытался пройти мимо стражника. А тот, исполняя волю монаршую, убил Валтасара!

– Кто был в карауле, кто убил? – вскричал Даниэль.

– Сам начальник охраны стоял на страже, он и убил!

– Нергал, ты ведь знал, что расследуется убийство Валтасара, не так ли? – спросил Акива.

– Знал, конечно!

– Почему ты вовремя не помог следствию? Где ты был

раньше? – вознегодовал Акива, – известно ли тебе, что по законам Вавилонии недонесение о преступлении есть преступление? Ты – соучастник!

– А вот и нет, младший иудей! Начальник охраны исполнил приказ царя, стало быть, он действовал по закону, и я не должен был заявлять об убийстве!

– Тогда почему ты доносишь сейчас? – изумился Даниэль.

– Тут-то собака и зарыта!

– Попрошу выбирать выражения, солдат! Ты в приличном обществе! – одернул Нергала возмущенный Даниэль.

– А-а-а, уж конечно, как же, мы понимаем! Мы в ешивах не обучались! – саркастически ответил Нергал.

– Ладно, продолжай, как умеешь. Отвечай, почему ты вдруг решил донести сейчас? – потребовал ответа Акива.

– А потому доношу сейчас, что вчерась вечером узнал важное!

– Что ты раскудахтался, ты дело говори! – не выдержал Акива.

– Начальник нашей охраны убил Валтасара вовсе не по царскому приказу, а из мести.

– Что это значит? – вскричал Даниэль.

– А то и значит, что Валтасар умыкнул у нашего командира молодую красивую жену и взял к себе в гарем. Вот начальник мой и укокошил царя! Я это вчера только узнал – а сегодня доношу! Все красиво и по закону!

– Молодец, Нергал, ты достоин похвалы! А теперь ска-

жи-ка, дражайший, любовь к закону привела тебя к нам, или денег захотел? – ехидно поинтересовался Даниэль.

– Мы люди простые и бесхитростные. А простой народ разницы меж тем и тем не делает. Так-то вот, благородные иудеи!

– Благодарим тебя, Нергал. Проверим твоё донесение. Если верно оно – получишь от нас награду, если ложно – берегись! – сказал Акива, выпроваживая визитера.

Дверь за охранником закрылась. Даниэль и Акива сидели напротив друг друга. Лицо Даниэля сияло. Физиономия Акивы выражала подозрительность, неуверенность, сомнения – всё что угодно, только не ликование.

– Слава Всевышнему, – воскликнул Даниэль, – помог Он нам, послал в нужный момент этого вавилонянина!

– Дай Бог, что б подтвердился донос Нергала, – задумчиво проговорил Акива, – надо тщательно проверить его слова. Первым делом – допросить начальника охраны!

– Разумеется, следует всё проверить!

– Завтра же с утра и возьмемся за дело!

– Опомнись, Акива! Забыл, какой день впереди?

– Ах, верно! Суббота ведь!

– Вот именно! Отложим до послезавтра. Суббота не для будничных трудов дана нам. Молиться будем, учение Госпо-

да впитывать!

– За правоту Нергала помолимся. А сейчас потороплюсь-ка я домой!

– Оставайся у меня!

– Не могу. Обещал Асафу и Рине с Пниной трапезничать с ними.

XII

Суббота шла своим праздничным чередом. Даниэль молился, штудировал учение Господа, трапезничал, когда подходило время. Иными словами, в седьмой день недели, как и положено, сердце пророка наполнилось торжественной песнью высокого духа. Но, к сожалению, на дальнем мыслительном фоне вырисовывалась и не отступала вполне дума о расследовании: хоть и тусклая, но все же заметная мысль.

Но уже вечером субботнего дня, по исходу еженедельного торжества, Даниэль с полным правом и основанием вновь окунулся в поток буден. Обдумывая вчерашнее донесение Нергала, пророк всё больше утверждался в убеждении, что вавилонянин не лжет. “Дарий скуп на содержание охраны, – рассуждал Даниэль, – а тут солдату представилась возможность заработать – зачем же бедному служивому упускать несчастый случай? Корысть охранника говорит в пользу его честности!”

Ночь с субботы на начало новой недели прошла безмятежно. Даниэль спал крепко, без сновидений, как человек, уверенный в завтрашнем дне.

Ранним утром, восстав ото сна, Даниэль подумал, что Акива, который любит поспать подольше, навряд ли пробудился. Стало быть, пророк успеет провести с учениками первый урок. Когда же Акива проснется, он первым делом бросится допрашивать командира охраны.

“Хорошо, – сказал себе Даниэль, – пусть ниппурский детектив допрашивает начальника Нергала. Я уверен, Акива узнает не более того, что абсолютно ясно и без допроса – стражник не лжет, а старшой над ним – убийца Валтасара!”

События, впрочем, развивались стремительно и вовсе не так, как предполагал Даниэль. Только успел пророк сотворить утреннюю молитву, как услышал за окном стук копыт. “Неужели Акива, и притом в такую рань?” – изумился Даниэль.

В дом ворвался ездовой солдат и зычно прокричал: “Я прибыл по именному повелению из Вавилона. Дарий требует дознавателя сей же час к себе во дворец! Собирайся, иудей, я доставлю тебя!”

Произнесенные слова как громом поразили супругов. Звук изумления излетел из женских уст. Но не более полутора минут продолжалось замешательство. Авишаг расцеловала Даниэля, утерла слезу и проводила мужа до колесницы.

Даниэль вошел в тронный зал. Дарий молча кивнул ему и продолжил беседу с одними из визирей. Звуки разговора не долетали до пророка, поглощались огромным пространством помещения. Как и в прошлую аудиенцию, Даниэль обратил внимание, что Дарий сидел в стороне от царского трона.

У дальней стены расположился Акива. Заметив вошедшего коллегу, Акива вскочил со своего места, подбежал к пророку, горячо пожал ему руку и, лучезарно улыбаясь, заверил: “Все будет хорошо, дядюшка!” У Даниэля отлегло от сердца. “Слава Богу, нам с племянником есть что доложить Дарию!” – подумал он.

Исполняющий обязанности монарха отпустил визиря и любезным жестом подозвал дознавателей к себе. Даниэль и Акива уселись на предназначенные для гостей стулья и верноподданно уставились на Дария.

– Я рад снова видеть вас, иудеи, – приветливо, но вполне деловым тоном произнес Дарий, – надеюсь, вы с толком использовали время, в течение которого я столь терпеливо ожидал вашего доклада.

– Мы не разочаруем тебя, Дарий! – воскликнул Акива.

– Результат расследования получен нами, – добавил Даниэль, – причина смерти Валтасара выяснена, и имя цареубийцы ты сегодня услышишь!

– Ничуть не сомневался в успехе! Умный иудей при дворе – мое бесценное достояние, предмет зависти соседних монархов!

– Тебе виднее, правитель! – за обоих дознавателей скромно произнес Акива.

– Итак, Дарий, твоё терпение было с очевидностью оправдано и вознаграждено зрелыми плодами нашего дознания. Мы не теряли ни единого дня напрасно. Мы анализировали возможные мотивы, устанавливали хронологию событий, рассматривали альтернативные версии, проводили допросы, и так далее, и тому подобное! – вдохновенно заговорил старший следственной группы.

– Даниэль, я предлагаю не утруждать нашего принципала техническими подробностями, – заметил Акива.

– Пожалуй, – согласился Дарий.

– В таком случае, я, как руководитель расследования, перехожу к сути: убийца Валтасара – это командир царской охраны! Прошу срочно затребовать его сюда и взять под стражу в качестве предварительной меры пресечения! – провозгласил Даниэль.

Услыша эти слова, Дарий сделал знак, и слуги поспешно бросились исполнять немое приказание. Лицо Акивы при-

няло удовлетворенное выражение. Через короткое время командир царской охраны стоял перед Дарием. Физиономия убийцы не выражала ни страха, ни раскаяния. “Умеет постоять за честь семьи и держится с достоинством!” – подумал Даниэль, глядя не без уважения на главного охранника.

– Благодарю тебя, Дарий, что призвал командира охраны. Мне не придется просить тебя об этом. Я допрошу его в твоём присутствии. Это будет повторный допрос, первый я произвел вчера.

– Как ты осмелился, Акива? – гневно воскликнул Даниэль, – неужели ты делал будничную работу в субботний день?

– Сейчас всё прояснится, и ты простишь меня, Даниэль! – попытался успокоить дядюшку племянник.

– Мне кажется, что в некоторых ситуациях ваши странные иудейские верования допускают и даже поощряют нарушение субботы, не так ли? – с лукавой улыбкой на лице снисходительно заметил Дарий.

– Предпочитаю промолчать, – обиженно сказал Даниэль и вновь бросил негодующий взгляд на подчиненного ему члена группы расследования.

– Действуй! – ободрил Дарий ниппурского детектива.

– Как звать тебя? – строго спросил Акива командира царской охраны.

– Звать меня Аруру, – последовал бойкий ответ.

“Где-то я уже слышал это имя, – подумал Даниэль, – ах, да, припоминаю, кажется!”

– Хорошо ли ты помнишь, Аруру, день последнего пиршества Валтасара? – продолжал допрос Акива.

– Хорошо помню, иудей.

– Нес ли ты тогда службу?

– Конечно! Наши боги не даровали нам, вавилонянам, еженедельный день отдыха, каковым осчастливлены вы, иудеи!

– Кого ты охранял?

– Я стоял на страже у апартаментов Дария.

– Могу подтвердить слова Аруру, – вмешался Дарий, – он круглые сутки был на часах у моей двери!

– Значит, – с торжеством в голосе произнес Акива, – у Аруру есть бесспорное алиби. Он не убивал Валтасара!

– Ясное дело, я не убивал!

– Будешь говорить, Аруру, когда тебя спрашивают! – строго произнес Дарий.

– Я продолжаю допрос, – сказал Акива, – один из твоих солдат, Аруру – имя сего бойца Нергал – позавчера в пятницу донес следствию, якобы ты убил Валтасара, мстя ему за то, что он отнял у тебя жену и поместил ее в свой гарем. Что ты на это можешь нам сказать?

– Моя жена дома, при мне. Никогда, слава богам, не была она в гареме у Валтасара. На днях разрешилась от бремени и подарила мне третью дочь подряд, – с готовностью, но не без грусти сообщил Аруру.

– Выходит, Нергал оговорил тебя? Почему? – спросил

Акива.

– Знаю, почему оговорил! Нергал – плохой солдат. Утром в пятницу я уведомил его, что не видать ему продвижения по службе. Вот он и задумал мне насолить!

– Всё ясно, ты ни в чем не виновен, Аруру, – заключил Дарий, – поручаю тебе самому свершить суд над Нергалом.

– Не сомневайся, Дарий, будет сделано в лучшем виде! – с готовностью пообещал Аруру.

– Отправляйся к себе, Аруру, ты свободен! – приказал Дарий.

– Теперь тебе понятно, Даниэль, – проговорил Акива, – почему я вынужден был нарушить субботу? Я спас невинную душу Аруру!

Воцарилась тишина. Даниэль сидел понурившись. Лицо Дария выражало напряжение мысли. Акива светился довольством, видимо, что-то предвкушая.

– Я вижу, иудеи, меж вами нет единства! – наконец-то нарушил молчание Дарий, – один из вас доложил, что убийца найден, а другой успешно его опроверг! С чем пришли вы? Розыгрыш? Лицедейство? Так найден ли убийца? Если да, то кто он? Отвечайте!

– Позволь продолжить, Дарий, – испросил разрешения Акива.

– Говори, коли есть тебе чего сказать! – сердито ответил Дарий.

– Вчера я выяснил дело до конца! – гордо заявил Акива.

– В субботу? – вновь не сдержал гневного крика Даниэль.

– По вашему же иудейскому закону поступал твой коллега. Он в день субботний души спасал. На сей раз – твою и свою! – сурово проговорил Дарий.

– Значится так! – содрогнувшись при последних словах правителя, но при этом сохраняя достоинство, проговорил Акива, – царь Валтасар воспылил нежной страстью к прекрасной деве по имени Рудабе. На его несчастье, в Рудабе влюбился владыка персов Кир. Ревность – вот классический повод для убийства!

– Это уже теплее! – смягчился Дарий и согласным кивком головы ободрил Акиву.

– Я запряг колесницу и помчался к Киру – я уж прежде бывал у него. Монарх благоволил мне и обещал помочь в расследовании. Великому царю персов нет нужды запираяться. Он откровенно заявил, что смерть Валтасара – его рук дело!

– Руки Кира в крови? – изумился Дарий.

– Не совсем так, – ответил Акива.

– Вечно у вас заумности и туманности всякие! – проворчал Дарий, – поясни вавилонянину, иудей!

– Поясняю. Кир сговорился с бандой разбойников. Те изловили Валтасара, обобрали до нитки, убили, а тело темной

ночью бросили к воротам Вавилона!

– Верить ли мне этим байкам? – вскричал Дарий, – твой старший товарищ рассказал уже одну, и ты же сам ее опроверг!

– Представь себе, Дарий, я в тот же день разыскал главаря разбойничьей банды и доверительно говорил с ним. Атаман подтвердил, что его люди лишили жизни Валтасара. Разбойникам под защитой самого Кира нечего бояться!

– Это всё слова, да и только! – прогремел Дарий.

– Слова, но не только! Вот кольцо, которое я выкупил за немалые деньги у разбойничьего верховода. Оно снято с пальца Валтасара. Взгляни на него, Дарий, покажи его Сине! Теперь ты веришь мне?

– Кольцо подлинное, узнаю его. Теперь верю! – произнес Дарий, смягчившись, – спасибо за службу. Вам удалось раскрыть тайну смерти Валтасара. Жаль, не в моих силах наказать преступников.

Дарий пожалел, что сгоряча намекнул на возможность расправы с дознавателями в случае их неуспеха. Он пожал руки обоим, хотя, по его мнению, рукопожатия заслуживал лишь один из них. “Награда, включая цену кольца, будет ждать вас, иудеи!” – ласково проговорил на прощание вавилонский правитель.

Гонец Дария доставил дознавателей к дому пророка. Даниэль дал распоряжение Авишаг готовить праздничный стол. “Есть причина!” – бросил он жене, когда та робко заметила, что суббота только что миновала, а до следующей – целая неделя впереди.

– Ты не сердись на меня, учитель? – спросил Акива, когда детективы уединились в комнате Даниэля.

– Помилуй, гениальный ты мой ученик, за что же сердиться-то? Ведь ты решил дело и решил блестяще! – ответил Даниэль.

– Слава Богу, родственники не перестают быть друзьями, слава Богу, всё кончилось так прекрасно!

– Почти всё, но не всё!

– Что беспокоит тебя, Даниэль? – хитро спросил Акива.

– Мы так и не узнали, чьей рукой сделана надпись во дворце! – грустно заметил Даниэль.

– Ошибаешься, учитель. Я знаю, чья рука выводила красные буквы на белой стене!

– Так ведь ты, кажется, уже обо всем сказал Дарию, разве не так?

– Нет, не так! Я не всё выложил Дарию. Я подумал, что рассказанной мною половины дела довольно будет с этого важного и надутого вавилонянина! От тебя же я ничего не скрою, наставник!

– Говори же скорей, не мучь старика!

– Кир поведал мне разработанный им хитрый план устранения соперника. От своих осведомителей державный перс узнал о тайном сговоре Валтасара и Рудабе – они задумали бежать из Вавилонии, дабы соединиться в любовном союзе. Персидский монарх использовал этот сговор для достижения своей цели.

– Без хитрого плана не будет и ловкого деяния!

– Верно. Слушай дальше. Чтобы ускорить события, Кир намекнул Рудабе, мол, собирается покорить Вавилонию, а ее царя обезглавить. Кир не ошибся, полагая, что дева непременно изобретет способ, как сообщить возлюбленному о смертельной опасности, и как поскорее осуществить намерение бегства. Ее придумка должна была стать изюминкой плана, разработанного владыкой персов.

– Почему ты вдруг замолчал, Акива?

– В горле пересохло. Дай воды.

– Пей. И продолжай! Безгранична изобретательность ума влюбленной женщины.

– Рудабе придумала, как сообщить Валтасару, что настал час покидать дворец и вместе бежать. Она сумела передать ему это. Но при персидском дворе тайное неизбежно становится явным. Уже упомянутые мною осведомители донесли Киру о замысле девицы. Валтасар вышел из дворца во все не по нужде – он помчался к возлюбленной. В заранее условленном месте всё было приготовлено для побега. Однако разбойники по приказу Кира сделали засаду на дороге,

и судьба нашего царя была решена.

– А что стало с Рудабе?

– Бандиты вернули ее Киру. Бедняжка горюет. Она по-прежнему не любит персидского царя, и тот пребывает в печали.

– Так кто же сделал надпись на стене? Ты так и не сказал!

– Это дело рук Рудабе! Она прокралась во дворец с краской и кистью. Надпись, как прежде уговорились любовники, имела тайный смысл: “Беги, я жду!” Гости на пиру были пьяны и ничего не уразумели. Не страх быть покоренным персами гнал Валтасара из дворца, но страсть к Рудабе!

– Откуда ты знаешь обо всем этом?

– О планах своих и Рудабе мне поведал Кир. А сама девица подтвердила – я и с нею успел повстречаться в тот же день! Тебе уже известно, что атаман разбойников продал мне за немалую цену кольцо с пальца Валтасара.

– Как много ты успел в субботу!

– Да, немало. Господь был мне в помощь. А ты, вероятно, вчера обдумывал, каким образом вставить в пророчество сие происшествие?

– Я заранее написал пророчество. Вот, читай!

– Прочитал. Я заключаю, Даниэль, что ты обвиняешь Валтасара в злобных чувствах к иудеям и в том, будто он осквернил священные кубки намеренно. Надпись же на стене сделала якобы кисть руки, Богом посланная. Надо полагать, это был ангел. Но разве так обстояло дело? Мы выяснили нечто

иное!

– Не важно, что мы выяснили. Не сухие факты, но мудрые толкования оных воспитывают народ. Это говорю тебе я, Даниэль, пророк иудейский!